

МНГЕЛЪ SEVERO

ПЛАНЕТА АФОН
«ДОСТОЙНО ЕСТЬ»

Мигель Severo

Планета Афон. «Достоинно есть»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38626431

Планета Афон. «Достоинно есть»: Алгоритм; Москва; 2018

ISBN 978-5-907028-94-4

Аннотация

«Афон! «Запомните, здесь всем управляет Богородица», – снова и снова эти слова отбивали пульс в моём мозгу... Проявлять своеволие не благословляется даже на планете Земля, а уж на планете Афон тем более...» – вводит автор читателя в свое повествование о самом загадочном и благословенном месте на Земле – о святой монашеской обители, куда допускаются только избранные, и где ему довелось побывать в качестве желанного гостя. Новая книга автора продолжает рассказ об увлекательном путешествии по святым местам Афона.

Содержание

Глава I. «Чудотворная лоза»	5
Глава II. «Непобедимый»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Мигель Severo
Планета Афон.
«Достойно есть»

© МИГЕЛЬ SEVERO, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Глава I. «Чудотворная лоза»

К тихой асфальтовой площадке подкатила вереница новеньких легковых автомобилей. На первой, блестящей никелем и лаком «Чайке» приехали молодожёны. Такова традиция: приносить цветы к Вечному огню, поклоняясь далёким сверстникам, сложившим голову в войне с захватчиками. Благодетельный муж, в новеньком тёмно-сером костюме и белоснежной рубашке при галстуке, помог выйти из машины своей ослепительно молодой жене.

Это была девушка редкой красоты. Белая шляпка, длинное кружевное платье, белые перчатки на юных тонких руках, обхватывающих огромные красные тюльпаны, делали её богиней. Муж не спускал с неё восторженного взгляда, стараясь предугадать любое её желание. Они медленно пошли по гранитным плитам... Наверное, во всём был виноват дождь, поливший перед их появлением отшлифованный гранит. А всего вернее, Божий промысел.

Муж поскользнулся и, пытаясь удержать равновесие, неловко наступил на край её восхитительного платья. Кружевная ткань разорвалась. Девушка вздрогнула, отшатнулась от мужа и с размаха ударила его по щеке. От этого всем стало неловко. Вспыхнул и он, но сдержался.

Она сделала несколько шагов вперёд, наклонилась над чугунной решёткой и положила цветы. Потом к огню подошёл

он. Наклонился и зажёл от огня какую-то бумагу. И, когда половина её уже сгорела, все поняли, что это было свидетельство о браке. Догорающий клочок он бросил на гранитную плиту и, не глядя на присутствующих, быстрыми шагами пошёл прочь от свадебной процессии. Вскрикнула мать невесты. Вечный огонь продолжал гореть...

Эдуард Хлысталов.

«Пощёчина у Вечного огня»

* * *

Между тем дорога пошла вверх, и скоро перед нами открылась изумительная панорама. **Хиландар** наградил нас сказочным видом – он стоял перед нами как на ладони, величественный, строгий, чем-то действительно напоминающий исполинскую каравеллу, с островерхим кипарисом посреди монастырского двора, словно грот-мачтой.

Указатель на дороге не оставлял шансов на сомнение, что до монастыря порядка полутора вёрст, но нам казалось: пройди сквозь густо заросшую лесом и кустарником долину метров триста-четырееста, и мы благополучно доберёмся до крепостных стен и подъёмных кранов, будто журавли на болоте, одноногого обступивших обитель со всех сторон.

Афон! «Запомните, здесь всем управляет Богородица», – снова и снова отбивали пульс в моём мозгу слова братиш-

ки Владимира, повторенные им не один десяток раз. Проявлять своеволие не благословляется даже на планете Земля, а уж на планете Афон тем более. Сколько ещё раз нам предстоит убедиться в истинности данного утверждения. «Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше» [Лк. 12;47]. Ибо смирение есть высшая христианская добродетель, не будет смирения – напрасны все труды и все добродетели.

Нет нужды повторять, что без труда и добродетели спасения не достичь. Но они необходимы лишь, поскольку приводят человека к смирению. Человек возгордится, если не будет обращать внимания на самое главное. Всевышнему не нужны наши подвиги, не нужны никакие наши дела, даже добродетели, Ему не нужно ничего, если в человеке нет смирения.

И здесь мы касаемся самой сути христианства, которая часто ускользает от нашего внимания. Что значит: в человеке нет смирения? То значит, что он не способен справиться со своими грехами, привычками, страстями. Тщеславие уничтожает в человеке все добродетели, поэтому важно следить за собой, а согрешив, сразу каяться, чтобы не погубить те же самые добродетели. Все наши добрые дела сжигаются тщеславием, завистью, гневом, враждой, лукавством, ets.

Вольдемар снова застыл, глядячи в экран своего «Кэнона». Никита традиционно насилывал свой дебилизм, произ-

нося отрывистые, не совсем литературные обороты, применимые только к не совсем понятливым обормотам. Он строил новую фазенду, а строительных фирм в их городке не самое подходящее число – ноль. Поэтому приходилось довольствоваться услугами братьев наших мусульманских, заповоливших Сибирь-матушку в поисках хоть какого-нибудь пропитания для своего многочисленного потомства. Ковыряться в недрах кладовой полезных и даже бесполезных ископаемых этим братушкам не позволяет чересчур высшее образование, а по шляпке гвоздя они попадать научились, поэтому находят себе дело по интеллекту.

Вот уже наша троица благополучно преодолела дорожный водораздел, и можно было чуть-чуть расслабиться. Под горку идти значительно легче, будто летишь на крыльях успеха. Ребята уже зачехлили свои экспонаты научно-технического прогресса и вернулись в Юрский период Мезозойской эры. Никита погрузился в чтение акафиста Николаю Чудотворцу, видимо, хотел тем самым замолить свои невольные грехи сквернословия. Очевидно, без них никуда, если приходится иметь дело с жителями некогда братской окончательно Средней Азии.

Чуть убыстрив шаги, Гm поравнялся с гигантом X-вым и решил продолжить беседу.

– Смотрю, тебя до зѣла расстроили мои слова. Или просто язык смочить нечем?

– Да... в общем-то, нет. Я о другом подумал.

– О чём же, если не секрет? – я посмотрел на него с прищуром.

– Да какие секреты? Просто вспомнил слова Священного Писания... – Вольдемар на несколько секунд как бы задумался, стоит или нет посвящать меня в свои размышления. – Помнишь, Христос сказал благочестивому разбойнику: «... ныне же будешь со Мною в Раю» [Лк. 23:43]. То есть получит вечное блаженство. За то, что грабил и убивал других людей. Братьев своих. Не соблюдал ни одной Заповеди, более того – безбожно их нарушал...

– Правильно. Но тот сказал всего лишь «...мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал» [Лк. 23:41–42]. То есть он проявил смирение. И всего лишь произнёс, обращаясь ко Христу: «Помяни меня, Господи, когда приидеши во Царствие Твое!» [Лк. 23:43]. Православие начинается там, где есть смирение. Разбойник на кресте за пару часов купил себе вечность. Терпеливым страданием и открывшимися глазами на Христа, распятого рядом. Как в той притче о виноградарях. Когда бы ни пришёл убирать урожай, получишь полную чашу. Последние станут первыми.

Что говорит Господь? «Сыне, дай мне сердце твое» [Притч. 23:26]. Ты за **каждую** скорбь **благоваришь** Творца? Сможешь сказать, если дом твой сгорит: «Господи, достойное по делам своим приемлю. Благодарю тебя, Господи!» Сможешь простить обидчика своего? Не помню, кто

сказал: «Самый трудный бой – с самим собой, победа из побед – над самим собой».

На Западе подменили победу над собой социализацией христианства. Там имеет значение лишь внешняя сторона. А по сути это антихристианство. Каждое дерево познается по плоду. Если привести в пример соединённоштатников, то они выросли из протестантской секты и поэтому ревностно относятся и к другим религиям, и к другому мировоззрению.

– Но ведь сказано же: «Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилия восхищают его» [Мф. 11:12]. А они понимают это буквально. Любое «анти» застревает в сущности того, против кого выступает. Они проповедуют демократию, ненавидят тоталитаризм, а по существу, не признают другой альтернативы, другие социальные системы.

– Они, в общем-то, признают, если эта система им по душе. Помнишь, как они говорили о никарагуанском диктаторе Сомосе: «Это сукин сын, но это **наш** сукин сын». А если он не наш, как Асад в Сирии, тогда начинается «охота на ведьм». Там и мусульманство неправильное, в отличие от Саудовской Аравии, и христианство не такое, не по внешности просто.

Границ для альтернативно мыслящего сознания, понятно дело, не бывает. Поэтому социальная девиация, девиантное поведение других народов есть норма. С этим надо смириться.

– Какое поведение? – Володя собрал морщины в пучок у

переносья.

– Девиантное. Ты что, такого слова не слышал? То есть отклоняющееся от общепринятого.

– Не, не слышал, – гигант X-в участливо покачал головой.

– Теперь услышал, – ваш покорный вернул глаза в орбиты, – что это устойчивое поведение, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся норм. Но речь не об этом. В Евангелии говорится об усилении над **своей** душой, а не о насилии вообще и навязывании своей воли в частности. Видишь, что человек грешит – не суди его, а лучше помолись о нём. Даже если враг просит помощи – помоги ему. Но не помогай лукавому.

– А как ты отличишь, искренне он просит или лукавит?

– Элементарно, Watson! Необходимо знать православие. Перекрести его – любой бес креста боится. А повинную голову меч не сечёт. Блаженны кротции, яко тии наследят землю. Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут. Смирение есть высшая из добродетелей!

– У тебя всё так просто, как глоток воды выпить, – Володя сделал характерный жест.

– Кстати, попить бы я сейчас в натуре не отказался. Ты вовремя вспомнил, – и я потянулся за своей фляжкой. Вода между тем уже успела нагреться и жажду только распалила.

Вдруг мысль застопорилась, будто уличный поток машин, наткнувшийся на красный сигнал светофора. Даже Никита прервался на минутку, хотя обычно его невозможно отвлечь

от святого делания. Гори всё синим пламенем вокруг – ничто не оторвёт его от молитвы.

Но в данную конкретную минуту если и горело, то приветливо-лучезарное светило над покрытой золотисто-белым облаком вершиной Святой горы, которое как бы спрятало её до поры до времени от людских глаз. Снизу облако было прозрачно-лиловым, словно перламутровым, грозя пролить на отвесный склон радужные струи майского дождя. Впрочем, это было скорее иллюзией: ведро, похоже, установилось всерьёз и надолго. Лёгкие перистые облака, тщетно пытаюсь скрыть нежную синеву небосвода, почти застыли на одном месте в своём безсилии защитить его от палящего солнца. Но не сия чудная картина так поразила мой взор.

Навстречу нам двигалась группа пилигримов, судя по одежде европейцев, скорее всего греков. Вроде бы ничего примечательного в них не было – люди как люди. Шли они неспешно и немногословно, чем-то напоминая похоронную процессию. Одно их выделяло из серой массы – это зелёные штаны на одном из туристов. Остальное всё чин чинарём.

Не могу сформулировать причину, но мне почему-то приспичило поиграть с ними в переглядки. У первого из них, мужчины лет сорока, среднего роста и атлетического телосложения, взгляд был какой-то подавленный, будто он не более часа как вышел из темницы после многолетнего заточения. Он смотрел на меня и в то же время мимо меня. Или сквозь меня. Светлая кудрявая прядь волос, небрежно упав-

шая на чело и чуть прикрывшая правый глаз, выдавала в нём явное равнодушие или, вернее даже будет сказать, безразличие ко всему свету.

Второй навскидку казался чуток помоложе, однако паутина морщин на лбу явно противоречила первому впечатлению. «Молодость» скорее проявлялась в его худобе и одежде: на нём были бриджи цвета детской неожиданности, увенчанные снизу бахромой, линиялая футболка и яркие кроссовки, обутые на когда-то белые, а ныне побуревшие, испачканные зелёную гетры. Он шёл с приоткрытым ртом и надрывно дышал, словно взошёл на пик Коммунизма. Роговые очки с многократным увеличением характеризовали его взгляд известной фразой: четыре глаза и ни в одном совести. Длинные худые пальцы крепко держали выдавший виды посох.

Глядя на третьего, не знаю почему, но у меня возникло ощущение, что он дирижёр симфонического оркестра. Его походка была какой-то трёхтактной, он не шёл, а вальсировал. Лёгкий рюкзачок на тщедушных плечах заменял ему партнёршу. Взгляд его скользил по окружающей среде подобно фигуристу на мартовском льду, прошёлся и по нам, ничуть не смутившись. Серебристая бейсболка кидала тень на его бледное лицо, отчего оно приобретало немного землистый оттенок. Никаких мыслей в его очах мне прочесть не удалось за столь короткий промежуток времени, да и, если откровенно, азь поражённый не очень-то и стремился.

А вот в четвёртого мой взгляд впивался подобно энце-

фалитному клещу. Нет, взаимности с его стороны не было, он даже не взглянул в мою сторону, но мне было не оторвать взгляда от его портрета. Больше ничего в его облике меня не смущало. Джинсы и бело-голубая тенниска сидели на нём подчёркнуто выразительно, как будто были шиты по его худощавой фигуре. На голове красовалась сетчатая ковбойская шляпа, прикрывавшая коротко стриженные каштановые волосы. Синие фирменные кроссовки выписывали горделиво-энергичную походку, сдобренную не менее фирменным посохом. В лице его, скуластом и продолговатом, отражалась твёрдая убеждённость в своей правоте. Лоб, прямой, как экран плазменного телевизора, опирался на резко очерченные полуизогнутые брови. Из-под стрельчатых, колючих ресниц на миръ взирали голубовато-серые выразительные глаза. Прямой, правильный, слегка заострённый нос имел естественное продолжение в виде аккуратных щегольских усов. Тонкие пунцовые губы были плотно сжаты и чуть приспущены по краям, поэтому было ощущение постоянной улыбки на устах. Гладковыбритые щёки, чуть впалые, были слегка покрыты свежерозовым загаром. Крепкий волевой подбородок почти закрывал короткую боксёрскую шею.

На секунду я даже слегка притормозил, а в глазах моих отразился мимолётный испуг, который не остался незамеченным моими друзьями. Они внимательно огляделись по сторонам, не обойдя вниманием и пилигримов, но ничего необычного не обнаружили. Да и мне не в момент пришло на

ум, почему вдруг это лицо показалось мне знакомым. Будь он похож на известного артиста или просто одного из моих знакомых, это не поразило бы моё воображение до дрожи в коленях. Здесь что-то другое... Но мы явно где-то пересекались. Или я видел его портрет... Но где? Причём совсем недавно... Может быть, даже здесь, на Святой Горе...

Перед моим взором калейдоскопом пронеслись все недавно увиденные мною лица. Нет, искомый пилигрим среди них не числился. Значит, не здесь мы пересекались. Тогда где? И почему это меня так поразило? С чего вдруг? Пилигримы уже скрылись за поворотом, а тревожная мысль всё не отпускала меня, бредила мою память, не давала сосредоточиться.

Как всегда в таких случаях, азъ многогрешный прибег к испытанному средству. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, ради Пречистыя Твоя Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, помилуй мя грешнаго». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...»

Вот уже ноги наши ступили на гравийную дорожку, ведущую в сербскую обитель, но ваш покорный не прекращал молитву ни на секунду. Не зря же предстал моим очам знакомый лик именно сейчас... Значит, это как-то связано с Сербией? Да, мы паломничали на Балканы в начале века... Помню, двоюродный брат меня позвал за компанию. Сашка...

Они с приятелем сначала объехали Сербию, побывали в нескольких монастырях. Белград только пережил по-

следствия варварских бомбардировок соединённоштатников. После круиза по Дунаю они приехали в Черногорию, где уже азъ есмь присоединился к ним. Весёлая была поездка! За две недели мы побывали в пяти странах, объехали все святые места Черногории, приложились к мощам Василия Острожского и Деснице Иоанна Предтечи в Цетинье.

А на следующий год их не стало... Причём Сашку, как гласит официальная версия, избили в ресторане неустановленные лица кавказской национальности. Следствие велось почти год, пока не вышел срок давности, потом дело «похоронили» в архиве, а в ответ на обращение в Генеральную прокуратуру пришёл ответ с тонким намёком, что его лучше замать. В противном случае могут возникнуть нежелательные проблемы у заинтересованных лиц.

А Лёнька пропал без вести. Выехал из дома с крупной суммой денег – они должны были с Сашкой в тот день подписывать контракт, но для обоих земная жизнь вскоре оборвалась. И если брата мы вскоре похоронили, то Лёнька исчез без следа. Родители его подняли на уши всю полицию, но дело закрыли «за отсутствием состава преступления», так как жертву не нашли.

И вот по истечении срока давности пошла их соседка в магазин, а при входе стоят двое «в кокарде» и спрашивают у неё, мол, не слыхала ли она о том, чтобы лет десять назад кто-нибудь пропадал без вести. Полицейские ей поведали, что при строительстве найден скелет примерно с десятков

лет назад погребённый, с характерными травмами челюсти и вставными зубами. Тётя Клава не припомнила, тем более что и жила тогда в других краях, лет семь всего как переехала. Да и про случай тот слыхала лишь краем уха, в подробности её никто не посвящал.

И вот что значит промысел Божий. Является ей ночью во сне Лёнькина мать, да не просто является, а в некоем эпическом образе. Держит она в руке челюсть и говорит ей: «Вот же, гляди, его зубы. Он когда на мотоцикле разбился, челюсть сломал и зубов лишился. Я долго потом его выхаживала, а поначалу и не чаяла, что живой останется».

Соседка чуть свет пробудилась и стремглав к матери Лёнькиной в дом. Прямо с порога её долгожданной вестью и ошарашила. А то же она места себе не находила все десять лет, ждала всё, что он в дверь постучится, покоя не знала. Мать, ни слова не говоря, молнией понеслась в полицию и, когда ей показали фрагмент черепа со вставными зубами, сразу опознала сына.

Вспомнила, что он хотел тогда из рыжего металла зубы вставлять, но она его долго отоваривала, сказала, что кто-нибудь позарится на твой фиксатый рот и примешь смерть лютую из-за этого. Времена такие, что и за меньшее могут на тот свет отправить. Поставил из нержавейки.

А ведь как в воду глядела! Сынок-то и пострадал за понюшку табаку. Видимо, пронюхали «полузащитники отечества», что будут мальчишки не с пустыми руками, подловили

их, устроили засаду на дороге, да и отправили в мирь иной, откуда не возвращаются. Одного закопали тут же, а второго привезли в отделение, составили липовый протокол, что он в кабацкой драке получил черепно-мозговую травму, несовместимую с жизнью. В общем, кругом виноваты понаехавшие гастарбайтеры. А добычу ту поделили «по-братски», даже наверх отстегнули, как полагается, тем дело и закончилось бы... Если бы не Господь Бог. А Он, как известно, поругаем не бывает. Ту землю, в которой Лёнька принял смерть лютую, отвели под строительство коттеджей. И самые что ни на есть лица кавказской национальности стали рыть котлован, да и наткнулись на косточки человечьи. Божиим-то промыслом...

Как знать, заяви они по-тихому в полицию, может, и «вспомнили» бы наши «полузащитники» о страшном преступлении и должностном подлоге, свезли бы косточки в ближайший крематорий, да и спалили их там как неопознанные. Но Господь поругаем не бывает! Стройку-то затеял как раз Сашкин компаньон, который не дождался тогда своих напарников, и пришлось ему иметь бледный вид перед заказчиком. Вроде как подвёл его компаньон, вместо дела в драку связался, к тому же весь бизнес под удар подставил. Шибко тогда осерчал он на Сашку.

А тут вдруг первым узнаёт, что найден на строительном объекте неопознанный труп. И новость страшную поначалу сообщили секретарше – шеф как раз был на совещании у

мэра, телефон свой выключил. И где ж это видано, чтобы женщина, да ещё молодая, такую страшилку да в глубокой тайне сохранила? К приезду полиции уже вся стройка слетелась поглазеть на диво дивное, тут уж дело замять не получится, да и поменялись за столько лет служивые в местном отделении. Выросли звёзды на их погонах, халявными баксами вскормленные.

Тут бы и сказке конец, а кто слушал – молодец. Ан нет! Когда Лёньку опознали, тогда понял шеф, что не кавказцы в кабацкой драке Сашке череп пробили, а именно те, кто нас беречь и охранять призван. И – вот уж чудеса так чудеса – их главарь, кто прониухал и дал команду засаду устроить, в этом коттеджном посёлке себе дворец строил. Причём самый крутой. А новость узнал последним, аккурат в это время «замаливал грехи» на Мальдивах. С новой женой и хозяйкой будущего «хрустального дворца». Не повезло новой хозяйке... Или, наоборот, повезло... Ведь если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезёт, так, кажется...

Шеф не стал торопить события. Подождал, пока новость станет не просто достоянием гласности, но и всячески подогревал интерес к ней среди местных жителей. И не только местных. Городишко в Золотом Кольце числился, туристов и паломников хватало, так им тоже новостишку под разной подливой подавали. Потихоньку о ней не только вся страна, но и зарубеж судачить стал. А «хрустальный дворец» к тому времени уже сиял во всей красе.

Пропадать такой красе негоже. Вот и решил наш «Сильвио» к молодой жёнушке подкатить. Не стал правду-матку до посторонних ушей доводить, а сообщил ей по-тихому, когда её благоверный за океаном крупные дела решал. Та неглупая была, хоть и молодая, с ходу доехало до её извилин, чем огласка обернуться может, предпочла решить этот вопрос полюбовно, причём, как уже понял шибко догадливый читатель, в самом что ни на есть прямом смысле.

А дело-то оно такое, скользкое. Ненавистен ей был поначалу шантажист, а потом потихонечку попривыкла, да и понравилось. Это примерно как повешенный сначала дёргается в петельке, а потом ничего, пообвыкнется и успокаивается. Висит как милый. Только ветерок его легонько покачивает, крутит иногда, а в общем и целом картина хоть и жуткая, но...

Впрочем, не будем о грустном. Вот и красавица наша грустить не стала, решила прекратить двойную жизнь. Выбрала благоприятный момент, да и огорошила благоверного своего. В другой раз он бы и ухом не повёл: доказательств против него никаких и срок давности отдал швартовы. Это если бы в столице. А в маленьких городках такой номер не прокатит. Людская молва пострашнее пистолета. Съедят живо. Пришлось золотопогоннику срываться с тёплого местечка и подыскивать себе пристанище там, куда молва стёжку не отыщет.

Вот и до развязки добрались. Жёнушка молодая не захо-

тела быть декабристкой и покидать «хрустальный дворец». Категорически! А беда не приходит одна: жили они гражданским браком, золотопогонник не хотел указывать уютное гнёздышко в налоговой декларации, чтобы не возникли ненужные вопросы о происхождении наличного капитала, оформил его на молодую красавицу. А та предъявила свои права на недвижимость и делиться отказалась. Как ни пытался хахаль отсудить у неё даже половину, как ни угрожал ей расправой лютой, но поделаться ничего не смог. Кто пойдёт за убийцу свидетельствовать, что она ему жена? Да и наш законопослушник собирался стать народным избранником, зачем ему лишние судебные дразги?

Кем он стал, думается мне, уважаемому читателю не слишком интересно знать. В депутаты он в итоге не попал – его партия не прошла в парламент, а молодая пассия стала вскоре и женой, и помощницей «Сильвио». Понял тогда золотопогонник, что на чужой беде, тем паче на чужой крови, счастья не построишь. Даже в переносном, не то что в прямом смысле.

Это я к тому всё поведал, что тот пилигрим, к которому мой взгляд приклеился как магнитом, был в буквальном смысле Лёнькиным двойником. Времени прошло предостаточно, черты его уже стёрлись из памяти, потому и не сразу вспомнил. Прошу дикого прощения! Да и не виделись мы с ним с тех пор, даже фотографий никаких не осталось, не успел он...

А как славно мы провели время в Черногории! Поездка

была незабываемой. Во всех отношениях. Рисовать красоты этой страны у меня не хватит словесного ресурса. Уже само её название – Черногория – говорит само за себя. Чёрные горы! Сколько бы ни объехал стран, нигде не видал ничего подобного. Особенно впечатляющая картина рисуется на закате, когда огромный красный диск тонет в морской пучине и подсвечивает вершины гор отражённым от морской глади светом своих лучей! Вот где широкий простор для поэтической фантазии!

А приехали мы уже в начале октября, когда для рафинированных европейцев сезон закончился, а для неприхотливых соотечественников, к тому же не обременённых избыточным весом толстого портмоне, только начинался. Погода меж тем особо не радовала, небо заволочло свинцовыми тучами, и временами накрапывал мелкий дождичек. Загорать при таком раскладе вовсе не тянуло, а прозябать в помещении гораздо дешевле на родине. Но не за тем же мы, экономные, проделали трёхчасовой перелёт, да ещё за валюту, чтобы вкусить осенней непогоды!

Потратив два непогожих дня на посещение музеев и осмотр местных достопримечательностей, на третий решили попросить Господа о пощаде. Мои братушки во Христе не особо верили в благополучный исход, но я был непоколебимо уверен в милосердии Божиим. Только необходимо было совершить крестный ход в монастырь святого Спиридона, который находился на вершине почти отвесной горы, возвы-

шавшейся над нашим временным пристанищем.

Выйдя поутру из уютного отеля, мы едва не унеслись в облака ураганным ветром, а через полчаса начался конкретный ливень. Нас это не смутило, поскольку догадались захватить с собой для такого случая непромокаемые накидки. Дождь не унимался больше часа, но по пути к вершине нам встретился монастырь святой мученицы Параскевы, где мы прочитали акафист равноапостольному князю Владимиру и помолились о даровании нам солнечной погоды.

Дождь прекратился, однако ступать по сырой траве и набухшей глине было ещё более отвратно. Приходилось прыгать с камня на камень, но рвение наше от этого не только не иссякло, наоборот, обрело второе дыхание. Пока у Лёньки не сдулось первое. Через полчаса он уже начал канючить, чтобы вернуться обратно. Спрашивается, зачем с такой слабой дышалкой было искушать Всевышнего? Нет чтобы лучше избавиться от привычки кадить дьяволу!

Как будто читая мои мысли, Лёнька осквернил уста сигаретой и грациозно прикурил от золотой зажигалки. Сания присел на обломок скалы и попытался сучком очистить свои кроссовки от налипшей грязи. Удавалось с огромным трудом, видимо и глина в этой стране тоже специфическая. Странная. Или не рассчитанная на таких упёртых, как наша троица.

Но вот и глина побеждена, и окурочок затоптан, надо продолжать восхождение. Ещё примерно полчаса мы воевали со

стихий, прежде чем перед нами возникла одинокая колоколенка монастыря. Как, впрочем, и одинокая церковка, размерами чуть больше киоска Союзпечати. Никакой ограды не было даже намёком. Между храмом и небольшой сарайкой, по всей видимости служившей конюшней, паслась на привязи пегая лошадка или мул, точно не разобрал.

Наличие внедорожника мощностью в одну лошадиную силу позволяло предположить, что монастырь (если его можно так назвать) всё-таки обитаем. Подойдя к церковке, мы услышали кузнечную канонаду, доносившуюся из сарайки. Третьим послушником этой обители был пёс серо-буро-коричневого окраса. При нашем приближении он лениво поднял симпатичную мордашку и заулыбался нам одними глазами. То ли он почуял в нас своих, православных, а может, просто в принципе соскучился по мирской суете, но вся его «злость» по отношению к незванным гостям проявилась в неторопливом бессловесном помахивании мохнатым хвостом.

– Ну здорово, псина, – Сашко приблизился к нему и протянул руку, чтобы погладить.

– Ты поосторожнее, – предостерег Лёнька, – это может он только с виду такой смирный.

– Не бойсь! Я с собаками умею находить общий язык, – и Саня присел на корточки, теребя сучьего сына за ухом. Странно, но это на всех собак действует как приманка.

Кузнечный стук нечаянно прекратился, и нам навстречу вышел довольно молодой монах в старой, порванной и до

зѣла испачканной серой рясе. Голова была прикрыта монашеской скуфейкой, а на ногах было нечто, не поддающееся словесному определению.

– Поздрав браћо, – произнёс инок, при этом приложив десницу к груди и поклонившись.

– Христос воскрес! – дружно откликнулись мы.

– Ваистину васкресе, – ответил монах, чем до зѣла обнадёжил нас, понеже сербский язык не так чтобы сильно отличался от русского. Это значительно облегчало дальнейшее общение.

– Ти руси, из Русије? – обрадовался инок, и улыбка расцветила его щетинистое лицо.

– Да, – мы дружно закивали головами в подтверждение своих слов. – Как тебя зовут?

– Спиридон, – представился монах и протянул нам по очереди десницу.

– А меня Мигель, это Леонид, а тот Александр, – я указал на Санька, по-прежнему возившегося с собакой, но ради приличия всё-таки подошедшего к нам.

Инок пригласил нас зайти в храм, чему мы безмерно обрадовались. По крайней мере, можно было разуться и на топящейся печурке просушить насквозь промокшую обувь. Да и храмом сие строение можно было назвать с большой натяжкой. Всё пространство было занято под хозяйственные нужды, а посредине расположился огромный стол персон на пятьдесят, вокруг которого стояли многочисленные лавочки.

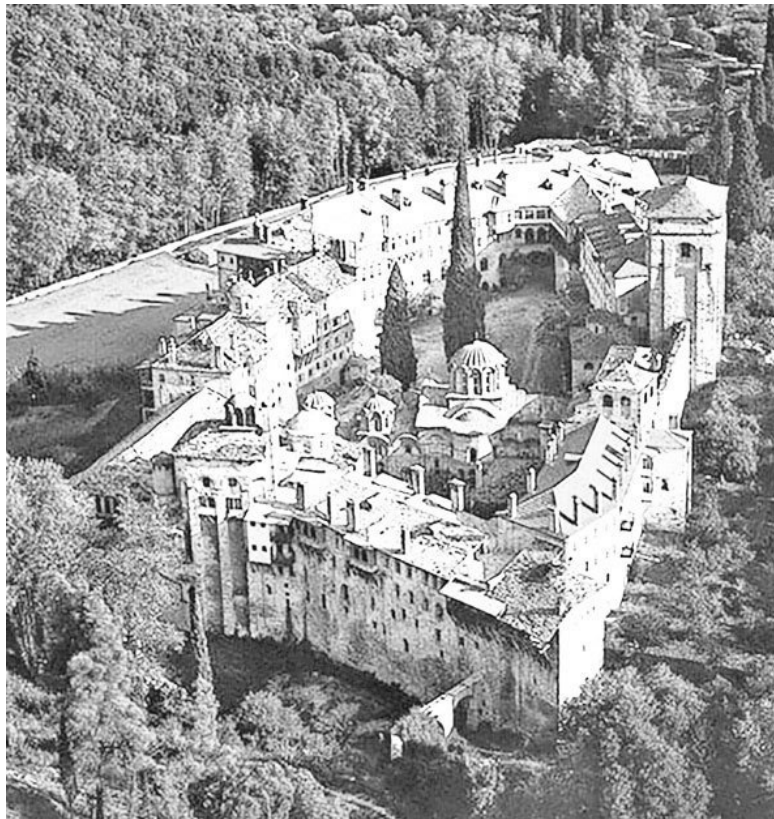
Стол был практически полностью завален всяческой снедью, причём не сказать чтобы особенно постного ассортимента.

Спиридон предложил нам согреться чайком, на что мы тут же безропотно согласились. Он поставил изрядно закопчённый чайник на печурку-буржуйку и стал нарезать кукурузный хлеб. Возраста ему было не больше сорока, ростом повыше меня будет примерно на ладонь. Смугл он больше от грязи, чем от загара. Волосы под скуфейкой слиплись от пота и были туго завязаны сзади в пучок. Выразительные карие глаза смотрели ласково и дружелюбно, не перебежали с одного на другого, стало быть, их хозяин не любопытен и не подозрителен. Круглый игривый подбородок украшала куцая рыжая борода, вкупе со щетиной наполовину скрывавшая рот и щёки. Кончик носа был немного вздёрнут, брови почти срослись у переносья, лоб полукругло выпирал, а уши плотно прижаты к черепу и забраны под скуфейку.

Что нас не сказать чтобы приятно, поразило, так это полнейший беспорядок. И это будет мягко сказано. Такого хаоса трудно встретить даже в скукоженном жилище вьетнамских гастарбайтеров, кучкующихся в одной комнатухе по пятнадцать рыл. Здесь им и ночлег, и кухня, и гостиная, и детская, etc. Кто бывал, тому объяснять не нужно. Инок Спиридон жил в монастыре один, но складывалось ощущение, что в этой трапезной разместился цыганский табор.

В русской словесности существует поговорка: беден как церковная мышь. Трудно представить, что в этом монастыре

нет мышей или даже крыс. Здесь им было полное раздолье. Наряду с провизией на столе пребывали и очистки, и объедки, да чего тут только не было! Вдоль стен вместе с мешками с провиантом соседствовали стройматериалы, инструменты, отходы производства, причём вперемешку, в полной неразберихе. Иконостас взирал на мир пустыми глазницами китов, по стенам вместе с иконами висела одежда, сушились про запас травы и корнеплоды, в углу стояли драные мешки с фуражом для «внедорожника».

Хиландар

Хаос, как известно, предтеча дьявольского мироустройства. Сколько объездил стран, но невозможно представить, чтобы в Германии, Испании, Франции, etc в монастыре был подобный беспорядок. Тем более в католическом или протестантском.

стантском монастыре или храме. Да, они холодные, там тебя не пригласят к столу и не предложат чаю, не накормят, последним не поделятся. Но и до такого состояния никогда не опустятся, лучше продадут обитель иноверцам.

...Беседа наша немного затянулась, инок хорошо понимал по-русски, а где не понимал, там приходилось переводить на английский, немецкий или испанский. Когда дождь прекратился окончательно и горизонт окрасила предзакатная мозаика, брат Спиридон вышел нас проводить и даже предложил своего скакуна, от чего мы резко отказались. Вниз – не наверх, только следы, чтобы второпях не оступиться и шею не свернуть, а сил и здоровья не требуется.

Через полчаса, когда мы спустились до кромки моря, от недавних туч не осталось даже пёрышка. Взойдя на Царский пляж и освоившись в лабиринтах пещер, мы не заметили, как ночь сгустилась до консистенции мазута. Последние всполохи уходящего дня отсвечивали светлячками на западе, и на побережье начиналась бурная ночная курортная жизнь.

А погода с этого дня установилась как в июле 2010 года в России. И целую декаду, пока мы не покинули благословенную Черногорию, ни единым облачком не запачкался небосвод, жара устанавливала рекорд за рекордом, и было ощущение, что мы пребываем во Святой Земле. Во всяком случае, наш подъём в монастырь Острог напомнил точно такой же на Гору Искушений, где лукавый искушал Господа наше-

го Иисуса Христа после сорокадневного поста.

Острог – действующий монастырь в Черногории, относящийся к Сербской православной церкви, расположенный в горах на высоте около километра над уровнем моря. Находится в тридцати верстах от Подгорицы, у подножия скалы Острошка Греда (*Ostroška greda*). Основанный в XVII столетии, во времена османского владычества, монастырь был центром духовной жизни сербского народа. В настоящее время там обитают 12 монахов. Нижний монастырь был основан в середине XIX века, состоит он из келий и церкви Святой Троицы. В Нижнем монастыре покоятся мощи святого новомученика Станко, двенадцатилетнего мальчика, которому турки отсекли руки, в которых он держал святой Крест и не хотел его выпускать.

Верхний монастырь отделён от Нижнего пятикилометровой дорогой, но мы поднимались пешком, по более короткой пешеходной, которую преодолели за полчаса. Верхняя часть монастыря двухуровневая, встроена в скальную нишу и состоит из двух церквей. На нижнем уровне расположена Крестовоздвиженская церковь, построенная в 1665 году, а выше неё – Введенская церковь XVIII века. Она очень мала, всего три на три метра, но именно здесь святой Василий провёл в молитвах 15 лет. В реликварии Введенского храма хранится ковчег с чудотворными мощами святого Василия Острожского, а также молитвенная книга 1732 года и храмовые подсвечники, датируемые 1779 годом. На скале – изоб-

ражение-икона святителя.

Родился Василий Острожский в нынешней Герцеговине, в селе Мркониц, 28 декабря 1610 года в семье набожных, благочестивых, православных родителей Петра Йовановича и его супруги Анастасии. Ребёнка окрестили Стояном, стали учить страху Божьему и всякой доброй мудрости, ходили с ним на святые церковные богослужения. Входя в храм Божий, он сначала клал земные поклоны, с благоговением лобызая пол храма, а потом Святой Крест и святые иконы.

Стоян отличался смирением и серьёзностью, а также милосердными сердцем и душой. Семья его весьма нуждалась, но он даже доставшийся ему кусочек хлеба никогда не съедал один, а всегда делился с кем-то, особенно если вместе с другим пастушками пас овец. К его родителям питали ненависть недобрые соседи, вероотступники и потурченцы, которые возненавидели юношу за его благочестивость и мудрость. Впоследствии по желанию самого Стояна, дабы убедить сына от озлобленности людской и дать ему возможность выучиться грамоте, родители отвели его в монастырь Завала, воздвигнутый в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, игуменом которого был дядя Стояна Серафим.

Монастырь этот был весьма почитаемым в Герцеговине и довольно богатым. Одно время, до своего ухода на Афон, им правил Святой Савва. Вернувшись из Святой Земли, он учредил Захумскую епархию, митрополитом которой стал

впоследствии святой Василий. Здесь Стоян учится мудрости, душа его постепенно воспламенилась любовью ко Господу и святой подвижнической жизни. В нём появилось желание принять монашеский постриг.

Он переходит в монастырь Успения Пресвятой Богородицы, или Тврдош, и вскоре постригается в монахи под именем Василий. Данное имя для него было знаком, чтобы в будущем в качестве подвижника и епископа следовать святому и великому иерарху Церкви Божией Василию Великому. Через какое-то время преподобный удостоился сана диакона, а потом и священника. Служил он перед престолом и жертвенником Божиим с глубокой верой и целомудрием. Проведя некоторое время в данном монастыре, он отправился в Черногорию к митрополиту Цетиньского монастыря Мардарию, который оставил его при себе в Цетине. В этом монастыре преподобный Василий дослужился до архимандрита.

В те годы в Черногории и Герцеговине римские священники-иезуиты очень активно вели среди православных пропаганду католицизма с целью вовлечь их в свою католическую ересь и подчинить власти папы. Ревнитель православной веры святой Василий указал митрополиту Мардарию на антиправославную деятельность католиков и советовал оказать горячее сопротивление врагам Церкви, но тот отнёсся снисходительно к засилию униатской пропаганды.

Благодаря своей вере и преданности Православию, а также усердной борьбе святого Василия против Унии право-

славный народ и духовенство не подпали под влияние униатов. Преподобный, никого и ничего не боясь, защищал веру и истину Христову. Тогда Мардарий стал плести интриги против ревнителя Православия и несправедливо обвинять его перед народом. Но народ не поверил клевете митрополита, так как он хорошо знал, что преподобный жил свято и богоугодно, за что все его любили и весьма почитали.

Желая уйти от интриг и злобы, святой Василий вернулся в монастырь Тврдош, но и там не перестал бороться за сохранение веры православной, неустанно защищая сербский народ от угрозы папизма. Святитель постоянно возносил горячие молитвы Господу, продолжая заботиться не только о спасении своей души, а в первую очередь о спасении своего православного народа, который задыхался под тяжким турецким рабством, жил в нищете и бедности, в страхе от турецкого насилия и беззакония, в опасности от притеснения унитской пропаганды.

В то время преподобный был уже архимандритом, но не остался в монастыре, а отправился в герцеговинские деревни и, как настоящий духовник и пастырь, проповедовал Евангелие Христово. Подобно святителю Савве, он совершал все богослужения и святыя таинства, поддерживая веру и терпение народа, помогал терпящим нужду и скорбящим. «Плебейский богомолец», как многие называли его, был евангельским просветителем своему народу.

Его апостольское усердие настроило против него мест-

ных потурченцев, и они задумали его убить. Тогда святитель отправляется в православную Россию, дабы уклониться от опасности и одновременно помочь своему народу. Через некоторое время он вернулся со многочисленными и щедрыми дарами, святыми облачениями, богослужебными книгами и небольшой денежной суммой. Он раздавал дары небогатым храмам в Герцеговине, а также особо нуждающимся. Одновременно стал восстанавливать опустевшие и обветшавшие церкви. Но лукавый враг рода человеческого и на сей раз не оставил его в покое. Неустрашимое усердие и неустанная апостольская деятельность только усиливали ненависть богоотступников.

Это вынуждает святого Василия уехать на Афон. Святитель нанёс визит Святейшему Патриарху Печскому Паисию Яневацу (1614–1647), которому подробно рассказал о горестном и тяжком положении православных сербов в Герцеговине, об их страданиях и турецких бесчинствах, о лукавой пропаганде латинян, и выразил своё желание поехать на Святую Гору, испросив у Святейшего на это благословения. Патриарх сразу понял, что перед ним человек Божий и что только такой человек может помочь страдающему православному народу. Мудрый патриарх Паисий знал, что архимандрит Василий отличается великими духовными добродетелями и способностями. Он восхищался пастырской деятельностью святителя, поэтому решил возвести его в сан архиерея и разрешил поехать на Афон, посоветовав там не задерживаться.

На Афоне интенсивная молитвенная жизнь не проходит бесследно: если человек всё время проводит в церкви, если он всё время молится, ежедневно открывает помыслы – он не может не начать меняться к лучшему. Василий без проблем добрался до Святой Горы и оставался там почти год. Он побывал во всех святогорских монастырях и многих скитах, набрался опыта у тамошних подвижников и отшельников. Но основную часть времени провёл в сербском монастыре Хиландар среди сербских и болгарских иноков и старцев.

На обратном пути из Святогорья он снова заехал в Печ, чтобы поприветствовать патриарха. В день праздника Преображения Господа и Спаса нашего Иисуса Христа в 1638 году святейший собрал всех сербских архиереев и, невзирая на молодость (святителю в то время не было и тридцати лет), за его добродетельную жизнь удостоил Василия епископского сана, назначив митрополитом Требиньским. Этого требовали сложные исторические обстоятельства.

Главное его оружие было слово Божие. Сила его молитв была такова, что по ним уже тогда Господь даровал многочисленные исцеления. Святого все считали чудотворцем. За его святую жизнь и его молитвы, а также дарованную ему от Господа прозорливость народ почитал Василия святым. Люди приходили к нему, ища от него помощи и утешения в разных бедах и искушениях. Святитель с великим благодушием помогал каждому молитвой, духовными наставлениями. Он учил давать подаяния, а также и восстанавливать святые

храмы и монастыри.

В это время турки усиливают террор по отношению к сербскому народу. Они грабили не только дома, но и церкви, и монастыри, опустошая всё вокруг себя, а людей уводили в плен. В результате этого народ со страху бежал с насиженных мест. Мученическую кончину принял патриарх сербский Святейший Гавриил Раич (1648–1656). Также был убит турками митрополит восточно-герцеговинский Паисий Требешанин, кафедра которого находилась недалеко от Оногошта (Никшича). Святителя Василия, бывшего митрополитом Захолмским, патриарх благословил на упраздненную кафедру, написав в связи с этим грамоту.

Преподобный Василий поселяется в уединённом месте, где устроил себе келью. Это была пещера в Пьешивцах, у подножья горы Загарач. Но по совету старцев переселяется в монастырь Острог. Игумен монастыря, преподобный старец Исая, жил богоугодной жизнью в одной пещере, находящейся над монастырём Верхний Острог. По преставлении подвижника Господь прославил его святыне мощи, но турки очень быстро нашли их и сожгли.

Придя в Острог, святой Василий сначала поселился у подножья Острожской горы, а потом поднялся в Верхний монастырь, находящийся в пещере преподобного подвижника Исая. С той поры он оттуда пятнадцать лет управлял своей митрополией. Вокруг него стали собираться монахи и подвижники, с их помощью он восстановил церковь Введения

Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Также святитель в Острожской скале построил и украсил церковь Честного и животворящего креста, которая сохранилась до сих пор. Игуменом монастыря он нарёк Исайю, внука преподобного Исайи, на себя же наложил самые строгие обеты. Питался святой только фруктами и овощами, клал земные поклоны и совершал другие подвиги монашеской жизни. Помимо забот о своей епархии, он строил церкви и кельи, своими руками носил камни для строительства, и весь он являлся храмом Пречистого Духа.

Как настоящий пастырь, преподобный Василий не всё время пребывал в келье, а спускался к народу и вместе со всеми терпел страдания. К святителю толпами шли люди, ища у него помощи, а также духовного и телесного утешения, многие почувствовали силу его молитв, за что возносили хвалу Господу. Спасаясь от жестокости турок, народ Герцеговины, подвергнутый гонениям и страданиям, собирался в Остроге, а многие старики, женщины и дети оставались подолгу. Святитель опекал их, жители окрестных деревень помогали ему во святом делании.

Невдалеке от монастыря было имение князя Раича, имевшего пятерых сыновей, которые постоянно обижали святителя и монастырь. Из-за жестокости князя Раича и великой злобы людской святителю была мысль навсегда уехать на Святую Гору. Но он понимал, что злоба та – дело демонов. Об этом преподобный написал в своём завещании: «Пишу

я, чтобы все христиане правду знали: какое-то время я жил в Остроге в отшельничестве, прилагая все свои усилия и отдавая всё свое имущество, ничего не жалея ради милости Божией и милости Пресвятой Богородицы. С помощью братьев-монахов, благодаря Господу, я восстановил там то, что можно и увидеть. И многие ко мне относились со злобой, но Господь во всём помощником мне был. Данное мною написано не только для того, чтобы жители Острога, которые после меня будут там служить Господу и Святой Богородице, подвизаясь в холодной пещере ради теплоты Божией, но чтобы и вы, христиане, знали...»

Святитель принял решение не покидать Острог, а и дальше терпеть несправедливость. Но в 1667 году он всё-таки отправился к блаженному патриарху Максиму в Печ, которому рассказал про бедствия народа. Многие пророчества святителя сбылись ещё при его жизни, по его молитвам совершилось множество чудес. К примеру, святой предрёк князю Раичу, что из-за оскорбительного его отношения к монастырю всех его сыновей ждёт печальная участь. Данное предсказание осуществилось. Сокрушённый князь пришёл тогда к святому Василию и рассказал ему о трагической кончине своих сыновей. Святитель утешил князя и посоветовал ему покаяться в грехах своих и своих сыновей, поведав, что если тот искренне принесёт своё покаяние, то Господь даст ему утешение и снова благословит его сыновьями. И это пророчество святого Василия быстро осуществилось. У князя сно-

ва родились сыновья.

Земная жизнь святого Василия, неутомимого в подвигах, молитвах, посте, в своих попечениях о земных и небесных благах своего народа, потихоньку подошла к концу. Острожский святитель отдал свою душу в руки Господа 29 апреля 1671 года. Упокоился он тихо, безболезненно, в своей келье, находящейся над острожской пещерой. Из скалы, возле которой он упокоился, потом выросла виноградная лоза, хотя земли там практически нет. В момент блаженного его упокоения келья исполнилась необыкновенным неземным светом. Тело святого Василия монахи погребли в могилу под церковь Введения Пресвятой Богородицы.

Работа «пиратов» XXI века

Сразу по его упокоении народ стал приходить с молитвой на могилу святителя, как приходили и при жизни его. На его могиле стали происходить многочисленные чудеса и происходят в Остроге до сих пор. Спустя семь лет после упокоения (1678) святой Василий явился во сне настоятелю монастыря святого Луки игумену Рафаилу Косиерцу, приказав ему пойти в Острог и открыть свою могилу. Игумен не придавал этому значения и в Острог не пошёл. Но то же сонное видение повторилось. Игумен снова не отправился в Острог. В третий раз явился святой Василий игумену в архиерейском облачении и с кадильницей в руках. И пока Святитель кадил, жаром из кадильницы обдало и обожгло игумену лицо и руки.

Игумен проснулся и со страхом рассказал про свой сон братьям-монахам. Придя в Острог, они поведали обо всём острожским инокам. Сначала все вместе они наложили на себя очень строгий пост, ежедневно выполняли молитвенное правило и совершали Божественную Литургию. Спустя семь дней, окадив могилу, они её открыли и увидели Святителя в прославленном теле, которое было жёлтым, будто воск, и благоухало, словно базилик. Монахи положили его в раку и перенесли в храм Введения Пресвятой Богородицы, где оно пребывает до сих пор.

Весть о прославлении мощей святого Василия быстро разнеслась, и всё больше и больше людей стали приезжать, чтобы приложиться к ним. С тех пор милостью Божией и свя-

тостью преподобного у его святых и чудотворных мощей постоянно совершаются многочисленные чудеса. В настоящее время к этому Великому Острожскому Чудотворцу приходят паломники со всех уголков земли, разных вероисповеданий и национальностей. У кивота Святого произносятся молитвы на многих языках мира. Сюда приезжают не только православные, но и представители всех конфессий, приносят тяжелобольных, и по вере их милостью Божией и молитвами святого Василия они получали исцеления и благодатную помощь...

...Гравийная дорожка постепенно перешла в мощённую булыжником, которая довела нас до ворот Хиландара. Здесь всё ещё дышало гарью страшного пожара, несколько башенных кранов сиротливо застыли над полуразрушенными строениями. Тем не менее монастырь продолжал жить размеренной жизнью, несмотря ни на что. Видимо, многовековое житие под игом геным кодом передалось потомкам, которых не могут сломать никакие обстоятельства.

Войдя внутрь, первое, куда устремилась душа, так это спасительная тень. Скинув с плеч долой пудовые вериги накопившихся грехов, азъ перегревшийся обнаружил, что одежду вполне можно выжимать. Братья мои во Христе также пребывали в блаженной эйфории от возможности предаться расслабухе. К алюминиевой фляжке уже страшно было притронуться, ажбы не обжечься, поэтому остатками драгоценной влаги пришлось смочить почву в цветочных кадках.

Но жажду этим не утолишь, остаётся только один вариант – смиряться.

– О, тут и колодец имеется, – обрадовался Никита. – Можно пополнить запас влаги.

– Без благословения давай не будем, – мне пришла на ум здравая мыслишка, что вода в колодце может быть чисто техническая, исключительно для полива. – Если будем хорошо себя вести, то нас и так напоят и накормят. Всё лучше, чем аш два о, согласись...

– Зъло борзо! – Никита не полез в карман за ответом.

Сказать, что на Святой Горе вас никто не ждёт, не будет правдой. Зайдите в любой монастырь или скит, и вас не спросят сначала, кто вы и откуда, зачем пожаловали. Дадут стакан воды, кофе, лукум, а то и по обычаю рюмочку. Мы это проходили уже не раз, поэтому главное – это проявить терпение, смирение. Уютно расположившись в нартексе – крытом, расписанном фресками притворе в виде галереи, – мы решили последовать афонскому правилу.

Галерея представляла собой настоящее произведение искусства. Свод опирался на круглые невысокие колонны, соединённые между собой арками. Фрески были выполнены с большим изяществом, краски совершенно не поблекли от времени. Потолок состоял из мозаично подогнанных разноцветных досок, также деревянными были и сидухи вдоль стен. Особо поразил меня пол, на котором двуцветной мозаикой из чёрной и белой гальки, обточенной морем, выло-

жена звезда Давида, а также другие узоры. Переводя взгляд с одного узора на другой, он ненароком задержался на чудотворной лозе, которая восемь столетий тому назад чудесным образом произросла из гробницы святого Симеона с южной стороны соборного храма.

Стебель лозы появляется из стены, на высоте примерно полутора метров от земли. Гробница святого находится у той же стены, но с внутренней стороны храма. Лоза широко разрослась и тянется вверх по своей опоре, а крона опирается на деревянное перекрытие, как бы образуя беседку. С тех достославных времён и до наших дней монастырь Хиландар раздает богомольцам ягоды от чудотворной грозди или рассылает их по почте тем, кто об этом попросит.

Помощи от хиландарской лозы ищут верующие люди со всех уголков не только Греции, но и со всего света. Результаты удивительны. Не прекращается поток благодарственных писем от счастливых супругов. К примеру, Катерина из Салоник предложила своему мужу отправиться на Афон и привезти оттуда гроздь от лозы святого Симеона. Но тот не согласился, потому что не имел достаточной веры в её чудесные свойства. Меж тем его супруга сама постаралась раздобыть чудотворную гроздь и вкусила от неё, поступая так, как было ей предписано. Кроме того, она взяла на себя все молитвенные правила, которые должен был исполнять её муж. Когда Господь благословил их первым зачатием, она рассказала мужу о том, как поступила, и с тех пор эта семья из бла-

годарности не теряет связь с монастырём.

Следующий случай чудесной помощи лозы святого Симеона произошёл уже с паломницей из России Валентиной. Будучи в паломнической поездке по Греции, она упросила батюшку, сопровождавшего их группу, привезти ей гроздь чудотворной лозы. У меня, говорит, всё есть: и муж хороший, и работа, и кров, только семья наша какая-то неполная, муж давно ребёнка просит родить, а я – то карьера, то ещё что-то, всё не получалось забеременеть. А когда спохватилась, то врачи говорят, что уже поздно. Пошла я тогда в храм, стою возле иконы матушки-заступницы «Скоропослушница», вся в слезах, умоляю Её помочь мне. А она такая красивая, очень старая, большая церковная икона, инкрустированная камнями разноцветными, прям сияет вся! Говорят, кто ни просил у неё что, вскорости сбывалось! И тут подходит ко мне старец благообразный и говорит, чтобы я съездила в Грецию и раздобыла гроздь от лозы святого Симеона. Я на радостях благодарю Богородицу, оборачиваюсь, а старца и след простыл. Потом уже, когда в Греции увидела икону святого Симеона, поняла, что это сам он и был.

Приехала я в Грецию, но женщинам на Афон ступать не дозволяется, вот я и попросила, чтобы кто-нибудь из мужчин нашей группы приобрёл мне чудотворную гроздь. И батюшка наш приносит мне этот Божий дар! Я счастлива безумно, непрестанно благодарю Пречистую Деву, умоляю помочь мне. По возвращении домой не прошло и месяца, как тест

показал положительный результат. Теперь семья наша полная, и растёт сынишка – Семёном нарекли в честь святого Симеона мироточивого. Святителю отче Симеоне, моли Бога о нас!

Люди нынешнего времени ослабели в вере, а всякое чудо, равно как и то, которое проявляется через лозу святого Симеона, требует истинной веры от надеющегося на него. Об этом необходимо помнить, прибегая к помощи чудотворной грозди. Очень хорошо говорится об этом в главе послания ко Евреям святого Апостола Павла, где речь прежде всего идёт о вере, её силе и её значении для нашей жизни. Но так как нашу веру поддерживает и укрепляет усердная молитва, то именно ей всегда необходимо уделять особое внимание.

Те люди, которые живут в молитвенном единении со Всевышним, внимают Его обещаниям из Священного Писания, таким как: «Просите, и дано будет вам; ищите, и обрящете; стучите, и отворят вам» [Мф. 7:7]; или «Всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» [Мк. 11:24] – и просят у Господа с упорством, чтобы эти обещания сбылись на них. Он же всегда рад воздать нам, как Отец наш Небесный, о котором Господь Иисус в Священном Писании говорит так: «Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» [Мф. 7:11].

Интересный случай произошёл в Салониках. Один священник, у которого не было детей, посетив Хиландар, полу-

чил гроздь святого Симеона, но не торопился ею воспользоваться. Одна из его прихожанок попросила уступить ей гроздь, и батюшка с готовностью это сделал. Спустя некоторое время, после Святой Литургии прихожанка, сияя от радости, поблагодарила священника за его дар, сказав, что он ей помог. Когда тот священник вновь приехал в Хиландар, то сокрушался и глаголил: «Была бы у меня такая вера, были бы и у меня сейчас дети».

Евангелие даёт нам пример наставление в вере. Господь наш Иисус Христос вопрошал каждого, на ком желал явить чудо: «Веруешь ли?» – или же говорил потом исцелённому: «Вера твоя помогла тебе!» Господь хочет видеть нашу веру, прежде чем являть нам чудеса.

Кто не могут, но хотели бы иметь потомство, пусть обратятся своими молитвами к святому Симеону Мироточивому, который, оставив своё сербское царство, подвизался на Святой Горе Афон, основал монастырь Хиландар и умер в нём после многих богоугодных трудов, удостоившись от Господа дара чудотворения. Для этого достаточно взять гроздь и часть ветви от виноградной лозы, которая чудесным образом выросла из самой его гробницы.

В один пакет кладутся три ягоды и один кусочек стебля. Кусочек этот следует положить в сосуд, наполненный освящённой водой (3 стакана), и пить из сосуда обоим супругам перед каждым приёмом пищи на протяжении сорока дней. Затем мужу надобно вкусить одну ягоду, а жене его – две.

Эти сорок дней супругам необходимо вкушать только постную пищу и ежедневно совершать по пятьдесят земных поклонов с Иисусовой молитвой: половину утром и другую вечером. Кто хочет, тот может удвоить число поклонов, то есть добавить ещё пятьдесят с молитвой: Пресвятая Богородице, спаси нас; преподобный отче Симеоне, моли Бога о нас. Всё это время необходимо воздерживаться от супружеской близости. По истечении сорока дней супруги должны исповедоваться и причаститься Святых Христовых Тайн, и тогда Всемилостивый Господь по вере их благословит супругов зачатием.

После зачатия весь срок беременности и кормления ребёнка грудью супруги должны воздерживаться от супружеской близости и жить в чистоте. Из жития пророка Самуила явствует, что мать его Анна три года кормила грудью сына, всё это время не разделяя с супругом его ложе, а потом родила ещё детей, а четь все были уверены в её бесплодии. Но что невозможно человеку, возможно Богу. Рождение ребёнка есть не людское произволение, а дар Божий. Господь сказал: «Азь есмь сей, кто сотворяет человека и вдувает дух в человека. Апостол заповедал родителям пребывать в посту и молитве, подчиняя супружеские желания высшим целям, дабы имеющие жён были бы, как не имеющие» [1 Кор. 7:29].

Посему не будьте рабами тела, но работайте духу. Поглядите на животных, которые по сей день в абсолютной точности следуют природному закону, данному им от Бога ещё

при сотворении міра и говорящему, что после зачатия плода не дозволяются сношения, ни во время беременности, ни во время кормления. А человек, как сами видите, становится хуже скота, предаваясь страстным влечениям и забывая о своём достоинстве, данном ему от Бога, сотворившем его по Своему образу и подобию. Нарушая Божий закон, человек поступает против естества и навлекает на своё потомство праведный гнев Божий.

Последствия этого гнева – неверность супруга, раздоры и прочие беды, неизлечимые болезни, от которых страдают дети, преждевременная смерть мужа, жены, равно как и любимых детей. Так Всевышний наказывает супругов, не покоряющихся Ему и Его законам, потерявших страх Божий и пошедших по пути плотского мудрования, которое есть враг Богу. Они убивают себя и своё потомство до седьмого колена, лишая себя навек Царствия Небесного.

Супруги перед разрешением их неплодства должны строго следовать церковным правилам, а именно: воздерживаться от близости накануне воскресных и праздничных дней, накануне среды и пятницы, во время всех четырёх постов, предписанных церковью, но в особенности во время Великого поста. Оставшееся время можно в благопристойности и страхе Божиим употребить для супружеской жизни. Господь дал человеку жену как помощь в их общей жизни, благословив их словами: «Плодитесь и размножайтесь», а не ради похотливого сладострастия, которое не знает ни времени, ни

меры в своей безудержности.

Блюдите святое супружество в чистоте и правде Божией, следуйте всем заповедям Божиим, тогда Господь разрешит ваше неплодство и осенит вашу семью Своею Благодатью, потому что не сами собой вы получите дар рождения ребёнка. А за исполнение прошения вашего творите милостыню нищим и убогим. Кроме того, вы обрящете Царствие Небесное, которое обещано тем, кто любит Бога, и будете вместе с теми, кто угодил Богу делами милосердия. В чём да поможет нам Иисус Христос, заступничеством Пречистой и Преподобной Матери Его Девы Марии, молитвами Святого Симеона Мироточивого чудотворца и всех святителей Афонских, коих ради дастся нам блаженная кончина временного сего жития и жизнь вечная, где станем непрестанно прославлять Пресвятую Троицу, Животворящую и Нераздельную, Отца, и Сына, и Святого Духа, которым слава подобает ныне и присно и во веки веков. Аминь.

За размышлениями мне вспомнилось, что из могилы святого Василия Острожского также произросла виноградная лоза, также имеющая дар чудесного разрешения бесплодия. Как нас учили в разведшколе, один раз – случайность, два раза – закономерность. У Господа ничего не происходит случайно, так почему именно сербские святые удостоились сей благодати?

Возьму на себя дерзость предположить, что из всех балканских народов, завоёванных в середине второго тысяче-

летия Османской империей, именно сербский народ оказал наибольшее сопротивление захватчикам – достаточно вспомнить битву на Косовом поле – и больше других народов подвергался истреблению и гнёту со стороны завоевателей. Потому Всемилостивый Господь и даровал сербам способность чудесным образом разрешаться от бесплодия, дабы не выродился этот православный народ, подобно североамериканским аборигенам...

Неслышно появившийся в дверях невысокий седой монах прервал мои мудрствования на самом интересном месте. Ни слова не говоря, он жестом пригласил нас в архондарик и так же безшумно исчез, как и появился. Глупо было бы слушаться, раз пригласили. Никита первым проявил прыть и последовал в гостиную, через миг и мы с Вольдемаром очнулись от спячки.

Комната ничем особым не запомнилась, разве что царившим в ней полумраком. Видимо, даже на электричестве приходилось экономить, понеже львиная доля средств уходила на восстановление монастыря после пожара. На круглом столике, наподобие журнального, уже стояли заботливо приготовленные стаканы с водой, чашки с кофе и вазочка с лукумом. Ну и как же можно забыть про сербскую ракию! И первое, что обращает на себя внимание, – это крепость огненного напитка. Если анисовая буза не более 40° по Менделееву, то здесь, без сомнения, имелись все 50°, а может и больше. Нас угощали настоящей сербской ракией, которую здесь и

приготавливают. При подходе к монастырю мы обратили внимание на виноградную плантацию с восточной его стороны, на которой были заметны несколько трудников.

Традиционное афонское угощение тут же отогнало усталость и хандру, моментально расслабило и развязало нам языки. При этом архондаричий не только не проявлял никаких видимых эмоций, но и сохранял каменное спокойствие, приклеив едва заметную улыбку на уста.

– Можете остати и преноћити? – как бы между прочим спросил он.

– Да нет, мы зашли ненадолго, просто передохнуть, – откликнулся гигант X-в.

На пару минут снова воцарилось молчание, в течение которых святой отец дал нам возможность понаслаждаться ароматным напитком вприкуску с дразнящим уста лукумом.

– Сте дуго на Светој Гори? – так же почти неслышно спросил монах.

– Нет, всего третий день, – при этих словах Володя отёр пальцы бумажной салфеткой.

– И куда даље иду, – вопрос архондаричьего застал нас немного врасплох.

– Не решили ещё, – гигант X-в перевёл взгляд с меня на Никиту, потом обратно на меня, как бы ища поддержки своим словам. – Как Господь управит.

Старец расцвёл в улыбке, с полминуты помедлил и хотел что-то произнести, но во дворе слышались шаги, которые

отвлекли его внимание. По характерному стуку металлического наконечника посоха о камни он сразу понял, что это не монах, а очередной гость монастыря. Авва с какой-то юношеской прытью поднялся и заспешил за угощением для паломника. Только по его резкому движению легко можно было определить, насколько хиландарские монахи рады каждому гостю. Или он прозорливо угадал, что гость – наш соотечественник?

Через минуту мы в этом убедились, когда под гостем закрипели половицы в архондарике. Мощно поздоровавшись, он окинул нас пытливым взглядом и, заметив мою широчайшую улыбку, после трёхсекундной паузы радостно произнёс:

– Мигель! Вот так встреча! Ты давно здесь?

– Да уже с полчаса как. Одежонка ещё просохнуть не успела, – ваш покорный встал навстречу гостю, и после крепкого рукопожатия мы обнялись и похристосовались.

– Знакомься: Володя, Никита, – я представил Виктору своих друзей. Он щемящим движением освободил плечи от миниатюрного рюкзака, аккуратно, будто царский скипетр, поставил к стене свой посох, после чего оседлал кожаный диван. В это время появился архондаричий с джентльменским набором традиционного угощения.

– Э-эх, жалко, повторить не получится, а то Сам Бог велит выпить за встречу!

– Если хочешь, то могу и поделиться, – Виктор полусерьёзно вознамерился ополовинить свою миниатюрную рю-

машку, которая для его комплекции была что слону дробина.

– Зачем такие жертвы? Если что, то и до Кареи рукой подать... Можно и водичкой.

– Вы с какой стороны притопали? – спросил он, смачно занюхивая допинг.

– Мы-то? Из Зографа. По пути заглянули к преподобному Косьме. А ты?

– Из Эсфигмена. А ночевал в келье одного знакомого отшельника. Мы уже с ним лет десять как знакомы. Каждый приезд свой сюда навещаю его. Он мне чётки подарил, они меня по жизни сколько раз выручали, казалось бы, даже из безвыходных ситуаций. Если что, так сразу с молитвой обращаюсь к святому Нектарию, ещё ни разу не подводило.

– А почему именно к нему? – мне вспомнился рассказ трапезаря в Пантелеимоне.

– Я родился как раз в день его памяти. А сейчас окормляюсь в храме Всех Святых в Красном Селе у протоиерея Артемия Владимирова. Там даже акафист читают преподобному Нектарию, есть его икона, которая, как утверждают, неоднократно мироточила, произошло несколько исцелений... Нектарий в переводе с греческого означает «безсмертный».

– Нам как раз о. – й про него рассказывал. Как он недавно явился на острове Эгина...

– А про недавнее чудо он вам не рассказывал? Как во время одной из служб у ризы покрова над его мощами Святой Нектарий открыл глаза. И про другие чудеса... Не говорил?

– Н-нет, не рассказывал. Да он только в качестве примера поведал. А что за чудеса?

– По его молитвам ещё при жизни чудеса вершились. Перед кончиной он тяжело заболел, его в госпиталь отвезли, положили в палату смертников. У него определили онкологию, с ним в палате лежал один парализованный. Два месяца преподобный промучился, и в день празднования Архистратига Божия Михаила и всех Небесных Сил Безплотных Господь призвал его к Себе. После блаженной кончины святителя парализованный сосед надел его рубашку и получил полное исцеление! В больнице и другие чудеса происходили: например, медсестры заметили, что бинты, которыми обвязывали раны преподобного Нектария, благоухают.

Сразу после кончины тело, руки и лицо святого начали обильно мироточить, монахини собирали миро ватой. Когда гроб с его телом привезли на Эгину, то весь народ вышел со слезами, чтобы проводить его. Люди на руках гроб несли и потом заметили, что одежда, в которой они были во время похорон, благоухает. В склепе монастыря, где он погребён, гроб открывали несколько раз по разным причинам и каждый раз убеждались, что тело нетленно. Одна девочка в гроб положила фиалки, так они не только не были тронуты тлением – даже не завяли.

К его молитвенной помощи обращаются страдающие параличом онкологические больные, с другими тяжкими заболеваниями, одержимые, бесноватые. Многим святитель Нек-

тарий помогает при материальных затруднениях. А у меня вскоре после Афгана обнаружили раковые клетки, никакое лечение не помогало, болезнь начала прогрессировать. И мне старцы посоветовали обратиться с молитвенной просьбой ко святителю Нектарию. Жив, как видишь...

– А ты что, в Афганистане успел отметиться? – удивлённо спросил Вольдемар.

– Было дело. Полтора года «за речкой» проторчал. Еле ноги унёс, – Виктор три раза перекрестился, при этом нашёптывая какую-то заветную молитву.

– Что, и смерть над тобой косу заносила? – не унимался гигант Х-в.

– Х-ха, да легче сосчитать, когда она эту косу убирала. Все полтора года как на пороховой бочке просидел. Даже в последний перед дембелем день едва на этом свете задержался.

– Как же это тебя так угораздило? – у меня проснулся неподдельный интерес.

– Долго рассказывать, – Виктор махнул рукой. – Если так уж интересно, то могу по дороге рассказать. Вы после Хиландара в какую сторону направляетесь, если не секрет?

– Хотим до Ватопеда успеть, – ответил за всех Вольдемар.

– Тогда по пути. А то до вечера проговорю, а мне ещё вёрст тридцать отмерять, если не больше, – при этих словах Виктор тяжело вздохнул. – Мне в последнюю ночь перед дембелем Богородица явилась во сне, Она меня и спасла, можно сказать. Я потом долго пытался тот образ на иконе

увидеть, в котором Она ко мне явилась, и увидел его только здесь, на Афоне.

Когда со старцами беседовал, они мне сказали, что святой Нектарий меня хранит, поскольку в день его памяти родился. Потому я и «безсмертный», что **он** смерть от меня отводит. Его в Греции почитают, как у нас преподобного Серафима Саровского.

– Кому Афон и Саровский, а кому iPhone и Swarovski, – мрачно пошутил гигант X-в.

– Во-во, – откликнулся Виктор, – плюнуть некуда, одни интеллектуалы. А в Афган такой попадёт, сразу сопли из всех щелей и метеоризм, что хоть спичку подставляй.

– Хочешь сказать, ты сразу Матросовым родился? – Володя продолжил свою канонаду.

– Во всяком случае, не Ломоносовым. Из армии не сбежал, – подытожил наш братишка.

Всё это время, пока мы выражали эмоции, архондаричий не проронил ни слова и, сияя загадочной улыбкой, радостно взирал на нас. Выждав паузу в разговоре, он тихонько, как бы невзначай обратился к нам, решив напомнить о том, что мы всё-таки на Афоне:

– Браћо, ви желите да би се могла ставити до светиња?

– Да, конечно, – наконец подал голос Никита, до сих пор не проронивший ни слова.

– Онда су отишли, а ускоро већ служба, желео бих да се мало одмори.

Из всего сказанного мы поняли только, что скоро начнётся служба, поэтому нужно поторопиться. Прочитав благодарственную молитву, мы поблагодарили также нашего благодетеля и чинно двинулись в ризницу. Архондаричий ничего не комментировал, только указал на чудотворную лозу, росшую с южной стороны кафоликона, и сдобрил парой фраз по-сербски.

После ризницы мы зашли в Соборный храм, приложились к чудотворным иконам, после чего не смогли не подивиться главному чуду Хиландара. Лоза заботливо огорожена чугунной решёткой и металлической сеткой, чтобы какой-нибудь не в меру буйный «доброжелатель» не кинулся на неё с топором. Она и впрямь внушительных размеров, и от неё исходит благоухание круглый год. Во всяком случае, в начале мая мы его почувствовали.

Удивительное дело: недавний страшный пожар уничтожил почти половину строений монастыря, но чудотворная лоза осталась невредимой, хотя опирается на деревянную «крышу» импровизированной беседки. Доски могли вспыхнуть только лишь от критической температуры, но Господь уберёт это сокровище, так же как и чудотворную маслину в Пантелеимоне.

Автор этих строк даже на несколько секунд зажмурился, до того меня пробрал аромат, исходящий от раскидистого живого шатра. Володя, как всегда, принялся пополнять фотолетопись, а Никита снова взялся за трубку дебильника.

Один брат Виктор не проявлял никаких видимых эмоций, видимо афганская война закалила его характер пуще дамаской стали.

«Во всяком случае, не Ломоносовым. Из армии не сбегал», – почему-то вспомнились мне его слова. И то, с каким достоинством он их произнёс. «Добрая совесть – это самое великое из всех благ. Она – цена душевного мира и сердечного покоя». А ведь это как раз слова преподобного Нектария. Мельком взглянув на мужественное лицо Виктора, на каменное спокойствие в каждой мышце его атлетичной фигуры, я нашёл стопроцентное тому подтверждение.

Но вот фотосессия закончилась, мы взвалили на плечи наши «грехи» и неспешно направились за новыми приключениями. Брат Виктор брёл чуть поодаль с таким мрачным видом, будто был осуждён в Жёлтые Воды. Кто не знаком с этим весёлым местом, сообщаю, что расположено сие городище в центре «братской» Окраины, в его окрестностях, «провинившиеся перед законом (вернее беззаконием)», добывают самую что ни на есть урановую руду.

Когда азъ увлечённый отбывал практику на строительстве железной дороги Долинская – Помошная, то краем уха прослышал про это весёлое местечко. Экскурсируя в Кривой Рог, наш очаровательный гид, именуемый Оксаной, не смогла скрыть от любознательного студента государственную тайну и слегка проговорила, почему город имеет такое экзотическое название. От залегающих в окрестных местах

железных руд вода в реке действительно становится жёлтой, но не это главное. А то, что в местной исправительной колонии содержат смертников.

Чудотворная лоза

Узнала она об этом совершенно случайно, просто её брат служил охранником на глинозёмном заводе и как-то под «большой стакан» набрал три аккорда на гитаре, да и спел о том, что накопилось в его грешной душе. А накопилась там кровь невинных жертв, когда смертнички решили заявить о

своих правах, гарантированных самой гуманной в мире советской конституцией. Каких уж они «прав» добились, знают теперь лишь ангелы на небесах. И те, кто не пожалел свинца для своих соотечественников, выполняя приказ вышестоящего начальства.

Но что-то я опять о грустном. Не приживаются в моей душе слова Виктора Гюго о том, что мы рождаемся с криком, умираем со стоном, так давайте хоть жить со смехом. Но смеяться почему-то не тянуло, видно жара этому не слишком способствует. Так, в скорбном молчании мы дошли до каменной часовенки с изображением креста царя Душана. Вспомнилось, что при оном Хиландар достиг наивысшего расцвета, в это время количество славянских иноков на Афоне даже превысило число греческих. Но грянул роковой для Сербии 1389 год, и Стефаново царство перестало существовать после поражения сербского войска на Косовом поле.

Наш гигант Вольдемар никак не мог пропустить такой кадр, поэтому очередная фотосессия «съела» ещё несколько минут драгоценного времени, зато прогнала упадническое настроение и заставила ворочаться до оскомины уставшие языки. Виктор проявил благосклонность запечатлеть всех нас вместе, за что ему отдельная благодарность. Заодно сразу вспомнилось, что он обещал по дороге рассказать нам про свою афганскую эпопею и про чудеса на войне. Отдав последние почести последней славянской обители, мы настроились на слуховую волну.

Прости, Хиландар, что не воспеть тебя сегодня. Во всяком случае, в этот вторник. Мы двинулись дальше, нет-нет да и оглядываясь на сербский монастырь, уже такой далёкий – даже не верилось, что каких-то четверть часа назад мы ещё были там. Который, будто заботливая мама, вышедшая провожать нас, смотрел, как мы уходим всё дальше и дальше, и тихонько крестил наш путь. Когда дорога в очередной раз сделала крутой поворот, то мы попрощались с Хиландаром окончательно и безповоротно, и дай Бог, чтобы не навсегда.

Глава II. «Непобедимый»

26 апреля 1985 года, в 18 часов по местному времени, бо́льшая часть гарнизона лагеря Бадабера в Пакистане (наёмники США и пакистанская армия) совершала вечерний намаз. С узниками остались только двое охранников, которые, потеряв бдительность, были обезоружены и связаны. Пленные, взломав замки, быстро вооружились в арсенале, подтащили боеприпасы к спаренной зенитной установке и приготовились на базе к круговой обороне.

По тревоге был поднят весь личный состав базы – 3000 человек во главе с инструкторами из США, Пакистана и Египта. Они попытались штурмом вернуть контроль над крепостью, но были встречены шквальным огнём и, понеся большие потери, вынуждены были отступить.

В полночь лидер Исламского общества Афганистана Бурхануддин Раббани – будущий президент страны – поднял полк моджахедов Халид-ибн-Валида, окружил крепость и приказал мятежникам сдаться, однако получил ответное требование – вызвать представителей советского посольства в Афганистане, Международного Красного Креста и ООН.

Начался второй штурм, который восставшими советскими воинами также был успешно отбит. Место боя к тому времени душманы и военнослужащие пакистанской армии при поддержке бронетехники и артиллерии 11 армейско-

го корпуса Вооружённых сил Пакистана блокировали тройным кольцом окружения. В воздухе барражировали самолёты ВВС Пакистана. Жесточайшие боестолкновения продолжались всю ночь. Штурм следовал за штурмом, силы оставших таяли, однако и нападавшие несли ощутимые потери.

27 апреля Раббани снова потребовал сдаться и снова получил отказ. Он приказал вывести тяжёлую артиллерию на прямую наводку и штурмовать крепость. Началась артподготовка и затем штурм, в котором участвовали артиллерия, тяжёлая техника и звено вертолётов пакистанских ВВС. Когда войска ворвались в крепость, оставшиеся раненые советские военнопленные взорвали арсенал, сами погибли и уничтожили значительные силы противника.

Дорого заплатили афганские мятежники за попытку вернуть базу. При штурме погибли 28 пакистанских военных и 9 представителей власти, более сотни моджахедов и 6 американских советников. Полностью был уничтожен арсенал, в числе потерь 3 установки «Град», около 40 единиц орудий, миномётов и пулемётов, десятки тысяч ракет и снарядов. Погибла и канцелярия тюрьмы, а с ней, к сожалению, и списки узников. В результате штурма учебная база Бадабера прекратила своё существование. В настоящее время на этом месте одни развалины. Где-то там покоятся и останки оставших советских солдат и офицеров.

Впоследствии стали известны имена советских военно-

пленных: это лейтенант Сабуров С.И. 1960 года рождения, младшие лейтенанты Кирюшкин Г.В. (1964), Кашлаков Г.А. (1958). Сержант Васильев П.П. (1960), младшие сержанты Рязанцев С.Е. (1963), Саминь Н.Г. (1964), ефрейтор Дудкин Н.И. (1961). Рядовые Васьков И.Н. (1963), Варварян М.А. (1960), Павлютенков (1962), Рахимкулов Р.Р. (1961), Левчишин С.Н. (1964), Зверкович А.Н. (1964), Коршенко С.В. (1964). Служащий Советской Армии Шевченко Н.И.

Спустя два дня после восстания лидер одного из воюющих афганских кланов, небезызвестный Гульбеддин Хекматиар, издал приказ, посланный всем подчинявшимся ему отрядам моджахедов: «Шурави в плен не брать! При захвате уничтожать на месте на всей территории Афганистана». В случае благополучного исхода все они получили бы в «благодарность» от советского государства от 8 до 15 лет строго режима за измену Родине по статье 64 УК РСФСР.

* * *

– Правильно говорят: на войне атеистов не бывает. Наверное, Господь и попускает войны, чтобы народ снова к вере повернулся, – при этом Виктор три раза перекрестился.

– А сам-то ты когда окончательно к вере пришёл? – мой вопрос заставил его вздрогнуть.

Виктор вдруг резко замолчал, но было видно, как губы его дрожат, а глаза остекленели от набежавшей слезы. «Да, – по-

думалось мне в этот момент, – если уж такой мужественный герой не может сдерживать слёз, значит, причина действительно была серьёзная».

Секунды текли Ниагарским водопадом, но Виктор молча пережёвывал тишину, как будто собирался с духом. У меня было такое чувство, что стóбит мне произнести хоть звук, даже чихнуть или кашлянуть, и мы никогда не узнаем истины. Даже не в меру говорливый гигант Х-в в этот момент не проявил рвения, лишь соловьи продолжали исполнять свои серенады, а где-то вдалеке шумел прибой. Больше ничего не нарушило райской идиллии.

– Истинная вера приходит тогда, когда в этом убеждаешься реальными жизненными фактами, – Виктор ненадолго замолчал, протяжно втянул свежий воздух, точно экзотичное угощение, и только после этого продолжил. – Это случилось где-то под Кабулом. Наш батальон тогда охранял дорогу на перевале возле границы с Пакистаном. Оттуда под видом гуманитарной помощи шли караваны с оружием, боеприпасами и наркотиками.

Естественно, те, кто хотел жить, старались меньше знать. Кто-то наверху, видимо, хорошо грел на этом руки, поэтому проявлять инициативу было смерти подобно. Я тёрся на войне уже не первый год, многому был научен, но не все же такие. Были те, кто хотел выслужиться, кто-то завидовал, что с ним не поделились, – в чужую душу не заглянешь.

Короче, один раз талибов прищучили – кому-то присни-

лось проверить содержимое «гумпомощи». А для многих из них подобный бизнес был единственным источником существования. К тому же у каждого семьи по восемь – десять человек, и все жрать хотят. Дело попытались замять, но кто-то уже успел в Москву сообщить, шухер неимоверный поднялся, так что и головы, и погоны полетели бы журавлиной стаей. И чтобы впредь никому неповадно было мафии на хвост наступать, в чью-то голову пришла идея «разобраться» с опальной ротой руками «духов». Одним выстрелом свою голову из-под топора вынуть и концы в воду спрятать.

Монастырь Пантократор

– И что, это твоя рота была?

– Да нет, соседняя, но ведь и мои могли высунуться.

– Ежу понятно, – Никита не расставался со своей коронной фразой.

– Ну и что дальше?

– А дальше... – Виктор опять замолчал на короткое время. – Дальше нашему батальону поступил приказ готовиться к передислокации. Куда, зачем – никто толком не объяснил, да и не всё ли равно? На сборы дали сутки или двое, сейчас уже не помню. Да не суть важно. Одним словом, для многих это было как сивый мерин на Южном полюсе.

А ребята из опальной роты, представляете, подружились с местной коброй.

– С кем, не понял? – едва сдерживая смех, переспросил Вольдемар.

– Чего не понял? С коброй, говорю. Змея такая, очковая. Она к ним как-то заползла, они жутко струхнули, думали, что бросится на кого-нибудь. Но агрессивных намерений у неё не было. Ребята её сахаром угостили, после чего она потанцевала на хвосте и мирно удалилась. А потом уже стала регулярно к ним заходить, даже к себе в гости позвала.

– Это как, по-русски или по-японски? – уже не сдержавшись от смеха, спросил Никита.

– Тёмные вы, как борода у талиба. В Афгане не то что

змеиный, паучий язык понимать научишься. Короче, узнали ребята, где она обитала, – в пещере, в полуверсте от лагеря. Стали её навещать, подкармливали, одним словом, стали лучшими друзьями. Сам бы никогда не поверил, если бы не был тому свидетелем, – Виктор не сумел сдержать улыбку.

– И тут приказ: передислоцироваться куда-то под Кандагар. Приказы не обсуждаются, ребята стали собираться, Колян, запомнил... как его... не важно, вспомнил в последний момент, что они забыли с Настей попрощаться: они ей даже имя дали.

– А почему именно Настя, странно как-то?

– Ничего странного. Просто с её появлением всегда погода менялась. Как нет Насти, так ненастье, туман опускался на горы. Само собой по аналогии и родилось.

– Прямо шапито! – Володя опять заискрился раскатистым смехом.

– Скорее Колизей. Ты слушай дальше. Пошёл, значит, Колян к пещере, а Настя уже ждала его, свившись колечком на камушке. Он только начал сахар из кармана доставать, а она вдруг прыгнула к нему на шею и оцетинилась перед его лицом. Коля опешил, не может ничего понять и вдруг слышит отдалённую стрельбу, разрывы гранат, бой, короче, идёт. И очень быстро всё стихло. Только после этого Настя сползла с него и удалилась в своё гнёздышко.

Колян перевёл дух: он-то думал, что тятнет сейчас, и поминай как звали. Ан нет, но смутная тревога не покидала

его: что бы могло это означать? Он что есть мочи дёрнул к лагерю, и через пять минут перед ним предстала картина Васнецова «После побоища князя Игоря с половцами»: вся рота была зверски уничтожена! Причём раненых добивали штыками в глаза. Наши ребята даже не успели оружие применить, всё случилось настолько стремительно. Видимо, экзекуция была заранее спланирована и подготовлена.

– Коню понятно! А ты не знаешь, кто это были? – поинтересовался Никита.

– В этих местах орудовала банда Юсуфа. Во всяком случае, по слухам это были они, а там кто знает? Мы тоже стрельбу услышали, хотели связаться с ними по рации, но никто не отвечал. Тогда мы по тревоге ноги в руки и рванули в надежде помочь, если что.

Вдруг БТР, который шёл головным, резко сворачивает с дороги. И остановился. Я запрашиваю командира, что за цирк, а он мне про внутренний голос начинает в уши кляп вставлять. Я ему опять: «Пошто мне порожняк толкаешь? Приказа не слышал?» Он опять за старое: «Мне, говорит, Богородица явилась и сказала, что дальше дороги нет. Дальше смерть!»

Я, разумеется, весь свой ненормативный запас выложил, обхожу его броневик и по газам. И вдруг взрыв! Но не сильный: или гранату пустили, или на противопехотной мине подорвались. Мне-то только лицо покарябало, а вот водиле повезло меньше: ногу потом оттяпали. Выбраться невозможно.

но – кругом стрельба, а в БТРе мы мишень. Сидим, как овцы на бойне, и ждём непонятно чего. Тут слышу в заднем у нас ДШК «заговорил», а ихний вроде замолчал. Пользуясь передышкой, мы выбрались из «коробочки» и заняли круговую оборону.

– Зъло борзо, – Никита почесал затылок и сплюнул сквозь зубы.

– Куда уж круче! А главное – местность открытая, спрятаться негде, а духов не видать: пали в белый свет, как в копеечку, пока патроны не кончатся. Хорошо через пару минут «Акулы» прилетели, талибов наизнанку вывернули, а то бы хана! Короче, нашу роту тоже изрядно потрепали, но в этот раз обошлось без жертв. Только несколько «трёхсотых» (раненых).

– А что с тем, уцелевшим-то, стало? С катушек не слетел?

– Не знаю, я его больше не видел, но слух прошёл, что он в одиночку банду Юсуфа уничтожил. Отомстил за ребят. Причём ему Настя помогла. Она его привела к пещере, где у тех лагерь был. А Колян вроде химиком был по профессии, сотворил что-то вроде бомбы с отравляющей начинкой и под видом «духа» пробрался к ним в логово, сняв часового. Когда бомба взорвалась, они стали как очумелые выбегать наружу, его приняли за духа – он тоже бородатый был. Тут он их всех поодиночке и уложил. А Юсуфу потом также штыком зенки выколол.

– Да уж, за такое надо бы к «герою» представить, – с вос-

хищением произнёс Никита.

– У нас представят!.. К «вышке», по статье 64 УК РСФСР, за измену родине.

– А что, он кому-то дорогу перешёл? – спросил гигант Х-В.

– Кто ж знает? Только полковника Чердынцева вскоре в Союз отправили, по слухам, «на конвейер» попал, потом вроде на Камчатке или в Плесецке осел, не помню.

– И за что ж ему такая награда?

– Видимо, он всё это крышевал. В цинковых гробах-то наркоту в Союз переправляли, а тут целая рота «двухсотых», и ни грамма! За такое мафия по головке не погладит.

– Это точно! Если в Плесецк, значит, кончили бы там его, это как пить дать, – сделал заключение азъ окаянный. – Там умеют концы в воду прятать. В прямом смысле.

– Ты-то откуда знаешь, бывал, что ли, там? – удивился Виктор.

– Не просто побывал, а с конкретной целью туда услали. В своё время одному полковнику, высоко летающему, дорогу перебежал. Как тот заяц Александру Сергеевичу. Только ко-сой спас солнце русской поэзии от участия в восстании декабристов, а я на роль спасителя даже в профиль не гожусь. Ушами не вышел. Поэтому был выбран в качестве тельца на заклание. Чудом жив остался, Господь ангела-хранителя послал, а то бы кормил бычков на дне карьера.

– Интере-е-есно! Прямо альманах невидуманных расска-

зов. Ну-ка, поведай братьям по вере, какой такой ангел тебя хранил? – глаза Виктора заискрились неподдельным интересом.

– Было дело. После Паровозной академии по распределению я попал в N-й «почтовый ящик». На «ярмарку вакансий» приехал лысый плюгавенький человекушка с нерусской фамилией. Чем конкретно буду заниматься, мне он не объяснил, сказал только, что буду служить по специальности. Раз факультет строительный, значит, предстоит строить коммунизм, а где конкретно... То ли на одной шестой части суши, а может, и на всей планете. Как Господь управит.

Когда освоился, стало понемногу доходить, что вся эта мышьяная возня с построением нового светлого будущего лишь ширма, просто из нас отбирали кандидатов в разведшколу. По сути, это были разведьясли. Кто догадывался, того отправляли на режимные объекты, чтобы проверить «нашивость». По ходу дела я все полигоны страны посетил, но, видимо, характер мой начальству не по душе пришёлся: зёло независимый, кому ж это понравится? А поскольку меня уже в кое-какие тайны посвятили, то выбран был в качестве жертвенного агнца.

– Это как? – Вольдемар не оставил привычки задавать «китайские» вопросы.

– Каком кверху! Кончить меня надо было, но с пользой. Разведчик в экстремальной ситуации должен без раздумий и лишних эмоций выполнить ЛЮБОЙ приказ. Поэтому те,

кто хотел бы послужить отечеству на этом поприще, в обязательном порядке должны пройти через это безбожное испытание. А мой непосредственный начальник как раз готовился к поступлению в Военную дипакадемию, но только в случае успешного прохождения испытания кровью. Тут и агнец «подоспел, как по заказу Люцифера». Всё складывалось одно к одному. Но Господь зрит сердце, поэтому вы видите меня стоять перед вами живым и в меру упитанным.

– И как же он тебя замочить собирался? Как Раскольников старушку?

– Не-е, Витя, у Роди не было талантливых учителей. Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл, начал делать – так уж делай, чтоб не встал. Вернее, не вынырнул. Чтобы концы в воду и никогда чтобы не всплыли. Замочить не только в переносном, но и в прямом смысле.

– Ну так это ж исхитриться нужно? Он что, чемпион по подводному плаванию?

– Да какой там чемпион? По литрболу – та да. Выжрать мог литруху и хоть на цыпочках. Здоровый бугай, как трусы после стирки. И всегда, как купаться едем, обязательно с собой горючего брал. Мы-то не особенно употребляли, так, для аппетита, а о-он! стакан вмажет, вторым «закусит», носки понюхает, и ни тебе прибавки к жалованию. Анекдоты любил травить – это потом до меня дошло, что он стукачом был, на ответную откровенность раскалывал. Политсознательность нашу прошаривал и, куда следует, сообщал. На

каждого досье: как «чаша терпения» переполнится, считай, что ты уже на небесах. Машина работала безотказно.

– Так по какой же причине этот дрын на тебе засбоил? – азарт поглотил Виктора всерьёз.

– Говорю же: на всё воля Божия! Видимо, у меня другая миссия на этом свете.

Короче, в середине цветущего мая, сразу после праздничной недели, нас выпихивают в командировку. Задание пустяковое – реконструкция подъездного пути на стартовую площадку. Хотя чего там реконструировать? Не скажу, что состояние пути идеальным было, но бывало и похуже, однако никто не чесался. Одним словом, приказы не обсуждаются.

Через месяц всей команде командировку продляют и дают новое задание. Без объяснения причин. Кое-кто пороптал для вежливости, но особо рыпаться не стали. А что? Гостиница хоть и не десять звёзд, всё не в палатке и не в коровнике. Все тебе тридцать три удовольствия, даже с прекрасным полом проблем не было. Живи и радуйся жизни.

– И вы радовались? – Виктор недвусмысленно намекнул на «запретный плод».

– Кто как. Лично меня в Москве ждала невеста, и заявление томилось в ЗАГСе. Поэтому у меня проблемы сводились к поиску путей в прекрасное далёко. Типа как оттуда поскорее слинять и желательно без стука дверей. А всё, как назло, складывалось не в мою пользу. Даже дату регистрации пришлось переносить, но второй раз это было уже за гранью

возможного, тем более что ЗАГС закрывался на ремонт, и на семейной жизни можно было ставить крест.

– Так уж и крест? А что, через год уже нельзя было расписаться?

– Можно было. Если бы мне удалось прожить этот год. Но мне бы не удалось.

– Что, настолько серьёзно? – Виктор даже напрягся, как перед броском на амбразуру.

– Несерьёзно только курить после секса. И квасить натошак. А о таких вещах не шутят.

Короче, жарким июльским днём собралась наша экспедиция погреть кости на пляж^у и охладить усталые мышцы. Места там – райский уголок. Водичка словно баккара, ласковый песочек, травка изумрудная, пихты, лиственница, ягод каких только нет, грибы – на любой вкус, хариус руками ловится – всё, что душенька ни пожелает. А главное – тайга, народу никого, полигон закрытый, одни свои. Божия благодать! Потом только мы узнали, что это не озеро, а затопленная шахта, глубина метров триста, а то и больше, сродни Байкалу. Утопленников не находят, да особо и не ищут. Так, ради тренировки водолазов. Одним словом, «концы в воду!»

В этот момент трель мобильного телефона, пытаюсь перещеголять мой голос, как на грех резко ударила по ушам. Никите непрерывно звонили то компаньоны, то сотрудники, не давали покоя ни днём, ни ночью. Пока он озвучивал очередное ценное указание или выслушивал отчёт о проделан-

ной работе, мы наслаждались зрелищем окрестного пейзажа и волшебными звуками живой природы. Шелест листвы и хрустальный голосок ручейка, стрёкот цикад и несмолкаемые трели соловья наполняли душу эликсиром божественной благодати почти как в Плесецке. Какая-то неразрывная связь энергетики природной и мышечной, ещё не изученная очередным Гиппократом, мгновенно снимала усталость и давала силам новый импульс.

Даже самое ценное указание когда-то заканчивается. Ники, отставший от нас метров на несколько, по привычке сначала про себя чертыхнулся, потом перекрестился, в три ноги покрыл это расстояние и снова замастырил сосредоточенный вид. ВПСлуга поимел возможность продолжить своё заунывное повествование, которого с нетерпением ожидали Витя и Володя.

– Ну так вот, – продолжал азь разгорячённый, – собираемся мы на пикник: форма одежды, еда, боезапас – всё по полной программе. Снасти с собой берём, причиндалы для костра и шашлыка, и ещё один штрих немаловажный. В смысле девок взять с собой не поленились, но они и не отказывались, зачем? Прогулка обещала романтическое продолжение.

И тут в самый разгар сборов подходит ко мне Боря Ж-в – балагур и весельчак, сжал мне до хруста локоть и, как удав, глядя мне в глаза, процедил сквозь зубы: «Под любым предлогом откажись от поездки! Почему – скажу позже, сейчас не могу...» Сказал как отрезал! И тут же смеётся, анекдо-

ты травит, а меня как молнией пронизало. Кишками ощутил приглашающее к действию холодное прикосновение старухи с косой. Поверил с ходу и пошёл в свою комнату вроде как за шампурами. А сам недолго думая заперся в интернете и не выхожу минут пятнадцать. Со страху меня и правда пронесло, так что запашок был преисполненный натурпродукта. Потом прилёг на койку, пузыри пускаю, а рожа и взаправду позеленела, стала как у жабы. Недаром говорят, что ничто так не расстраивает ваши планы, как расстроенный желудок.

Вскоре за мной послали гонца, типа куда ты провалился? Я кричу ему через дверь, что у меня что-то с ливером стряслось. Он передал старшóму, тот не поленился ко мне подняться в последний этаж, чтобы выяснить причину моего внезапного дезертирства. Долго меня кэп уговаривал, шуточками сальными подкалывал, типа, что ты за мужик, но я ни в какую. Пусть весь мир провалится в преисподнюю, но в таком состоянии я ни-ни. А мужик в поле пашет.

В конце концов так и уехали без меня. И что вы думаете: дневная тридцатиградусная жара ночью сменилась снегом! И это в июле-месяце! Сначала ливень их накрыл, машина увязла по уши, вытаскивали её всей толпой часа три. Все уставшие до хрипа, чумазые, злые как шакалы, все переругались, но всё же от рыбалки не отказались. Уже ближе к ночи добрались до места, а как костёр разожгли, тут и снег повалил. Купаться уже ни у кого ума не хватило, кто в палатку залез, кто в кузове спал, а кэп, говорят, всю ночь у костра

просидел и стакан за стаканом глушил. Вспоминал, небось, Володю Высоцкого: «Никогда ты не будешь майором».

На следующий день уже ближе к вечеру вернулись домой. Рожи синие, глаза красные, мат-перемат, даже девки не хочут, как обычно бывает. А у меня вроде как «всё прошло», встречаю их радостный, чуть навеселе, поздравляю с возвращением. Капитан мельком глянул на меня – как прожёт, но хитрющий, виду не подал. Разгрузили машину, и пошли мы с Борей ко мне в комнату пиджачку. У меня поллитровочка в холодильничке, «красная рыбка» (килька в томате), прошлогодний сыр, который и кайлом не расколешь: камень, обезжиренный, червивый. Кому знать дано, какого века он был? Мечта командировочного. Колбаса – собачья радость, времён Ганнибала, хлебушек плесневелый, ещё парочка подобных наименований и стаканы о пятнадцати гранях – по числу республик. Советскому командировочному ворониной не испортишь похлёбки. А ежели оптом, то заходи – не бойся, выходи – не плачь.

Приняли мы по грамушке... на каждое ребро, зажевали, чем КПСС послал, повторили. Боря всё никак не мог в себя прийти, а торопить его не хотелось. Человек должен и с духом, и с мыслями собраться. А потом его словно прорвало, и он мне всю подноготную и выложил. Сам он тоже будь здоров страху натерпелся. И его могла не миновать сия горькая чаша.

– Ты имеешь в виду: стать тельцом на заклятие? – Виктор

решил уточнить.

– Конечно, а что же ещё? – мне даже стало неловко от такого «китайского» вопроса.

– А он-то здесь с какого бока прилепился? Или тоже кому-то дорогу перебежал?

– Ты слушай дальше и не перебивай, если хочешь до истины докопаться. Супруга Борина тоже в нашем «ящике» служила, только в другом отделе. Правда, расписаны они тогда ещё не были, это тоже промысел Божий. Работая как-то раз с секретными документами или картами, не суть важно, недели две в Особом отделе проторчала. И в один прекрасный день заходит туда наш начальник отдела, и с особистом завели душевный разговор в его кабинете. Только не учли они, что перегородка фанерная, слышимость отменная. Да и не ведали, что у Люды с Борей роман, уже готовились заявление подавать, только свадьбу на Борин дембель наметили.

Поначалу она не прислушивалась, а как знакомую фамилию услышала, сразу слух напрягла. Обсуждали как раз приказ генерала о направлении капитана Конькова в Дипакадемию. Она заинтересовалась: всё-таки начальник у её благоверного. А когда услышала концовочку, памперс-то и пригодился. Согласись, что сопливой девчонке стоило огромных усилий вместить в свой мозг, что построение коммунизма на всей зелёной планете требует **таких** жертв.

– Да уж, задачка явно не для Оксфорда, – Никита был как всегда категоричен.

– Но и не для Смольного института благородных девиц. Хотя Людмила его не кончала, но где и как кончала, не нашего ума дело. Ночью, под шелест одеяла, она пошептала эту новость своему благоверному, отчего у Бори возникли некоторые мужские проблемы, которые обычно портят гармоничную семейную жизнь. Люда, честно говоря, больше всего этого и опасалась. Но и не сказать она не могла, аще убо хватило её соображения, что кандидатура окончательно не утверждена и жертвой запросто мог оказаться её избранник. Разгласить тайну она тоже побоялась: это означало подписать **себе** смертный приговор. В арсенале оставалось только одно действенное средство – жить в страхе и надежде, что их минует сия горькая чаша.

Боря с той поры старался подслушивать любые разговоры начальства, надеясь до конца прояснить ситуацию. Когда нас командировали на Северный полигон, а потом неожиданно продлили командировку, он сразу смекнул, что неспроста. В августе уже вступительные экзамены в Дипакадемию, и до этого срока всё должно было проясниться. Он оказался в списке, потому что знал слишком много государственных тайн. Ему двести раз предлагали остаться с повышением, прочили также карьеру разведчика, но он был неумолим. Подписка подпиской, но из-под колпака он уже вылетал, птичка вольная. Кому и что может сболтнуть, а то и продать – поручиться за него дураков не нашлось. Впрочем, и шибко грамотных тоже.

А тут как раз всплыл мой недавний конфликт с одним полковником из космических структур. Видимо, тот всё-таки не забыл громкое унижение и решил свести со мной счёты. Тем более что представился такой подходящий случай, как не воспользоваться? Я тоже не горел желанием продлевать контракт, а знал к тому времени уже достаточно для высшей меры.

– Так ты так и не сказал, каким образом он решил, что именно **тебе** эта участь уготована?

– Боря **сам** мне потом признался, что до последнего момента не верил. Но как раз накануне пикника заглянул в гости к начальнику и абсолютно случайно увидел приказ о новом продлении командировки. Так вот: в списке **не было** моей фамилии! А разговор о моём отъезде не велось даже близко. Слава Богу, что капитан Коньков этого не догадался просечь!

Тут Боре стало окончательно ясно, и он только ждал удобного случая, дабы мне всё рассказать, но так, чтобы я не наделал глупостей. В противном случае **он** бы стал тельцом на заклание и хорошо это понимал. И вдруг этот пикник! Сомнений уже никаких не было, и Боря пошёл ва-банк. Христианин в нём всё-таки победил, несмотря на то что креста на нём не было.

После всего услышанного мне резко расхотелось петь под гитару и рассказывать анекдоты. Не зная, как выразить Боре свою признательность, невольно поймал себя на мысли, что

мне ещё полтора года отбывать срок и за это время начальство придумает, как от меня избавиться «с пользой». Водка уже не могла снять озноб, даже в июльский вечер, а бежать за второй было поздно: в Совдепии спиртным торговали строго до семи. Спас электрочайник, предусмотрительно захваченный мной в командировку. Заварив «Три слона», мы просидели с моим ангелом-хранителем до рассвета, хотя в тех широтах в это время заката не случается.

Виктору, по всем вероятиям, резко захотелось закурить, но кадить дьяволу он перестал уже с прошлого века. Некоторое время мы шли в молчании, я ушёл в Иисусову молитву, Володя с прежним рвением запечатлевал наш крестный ход на флешку, а Никита, отстав на полкабельтова, снова присовокупил ухо к трубке дебильного телефона и кому-то вставлял пистон.

Случайно бросив взгляд на Виктора, на его волевое, мужественное и в то же время устало-измождённое, исполосованное шрамами лицо, я заметил в его выразительных серо-стального цвета глазах какую-то затаённую усмешку. Не осмелясь спросить напрямую, попытался разгадать, что же она могла означать. Что он не поверил в мой рассказ? Не похоже... По крайней мере, наводящие вопросы выдали бы его иронию с потрохами. Но они были без иронии. Тогда что? Может, и с ним что-нибудь подобное случилось и я лишь «прошёлся по клавишам»?

– Знакомо, – произнёс он вдруг так, как будто выдавил из

глубины души. – Хотя у меня немного другая ситуация была, а подлость – она и есть подлость, как ты её ни разукрашивай.

– И где же ты, в Афганистане столкнулся? – хотя мой вопрос был явно лишний.

– Меня уже дембель ждал, но я был кандидатом в партию, поэтому отправлять меня на материк не торопились. Понятно, что таких можно на самое остриё посылать, а может, просто не проходил я по некоторым параметрам в партию. Одно дело на войне, а в мирной жизни подхалимы требовались, прошедшие войну там бы такого шороху наделали. Но и не принять нельзя было, если ты по уставу достойный кандидат, лишний повод для кривотолков.

– Батя мой тоже на войне вступил, в сорок четвёртом. Там проще было.

– Это с какой стороны посмотреть. Если от пули прячешься, тогда никакой замполит не поможет, даже если охрипнет. Но, как правило, «за речку» такие не попадали. Хотя... Всякие встречались. Особенно в тыловых частях. Но на передовой ребята были как на подбор.

И вот как раз после Девятого мая сидим мы с дембелями в палатке, песни под гитару, байки травим. И тут заходит замполит полка, говорит: так, мол, и так, нужны добровольцы «на войну». И на меня смотрит в упор. Я сразу понял, что домой мне добраться не суждено. Таким макаром у нас «чистка рядов» происходила. Ненужных партии отсеивали кровью.

Я голоса не подаю, потому что наш комдив – кстати, Паша Грачёв – дал команду, чтобы дембелей «на остриё» не брать. Потому что гибли все как один. Представь, уже письмо домой отправлено, чтобы встречали, а тут похоронка приходит и цинковый ящик. А этот хохол продолжает делать мне нервы, не уходит. Даёт понять, что если откажусь, то партбилет пропоёт мне «Прощание славянки». Вместо него волчий билет получишь, это как пить дать.

И вот он уже поворачивается и собирается уходить. Причём молча, а взгляд гадюки, увидавшей лошадь. Понял я, что кранты не только моему партбилету, но и авторитету. Там закон что на зоне: откосил – считай что опустили. И я говорю замполиту, что пойду «на остриё». А он так, вполоборота отвечает, что нужны двое. Я развёл руками, мол, раздваиваться не умею. Но тут Санёк, мой зёма, меня поддержал, тоже на дембель собирался, Царствие ему Небесное.

Виктор ненадолго прервал свой рассказ и три раза перекрестился. Мы все тревожно молчали, будто ожидая разрыва авиафугаса. Но взрыва не произошло. Просто я снова взглянул Виктору в глаза и заметил, как они опять будто остекленели от набежавшей слезы. Словно стараясь не спугнуть его желание продолжать тему, даже приглушил звучание своей дышалки.

– В ночь перед операцией я не мог сомкнуть глаз. Вдруг вспомнил, что накануне призыва бабушка дала мне иконку Богородицы с молитвой на обороте. Чтобы не потерять её

и чтобы не дай Бог замполит не увидел, я её под обложкой комсомольского билета хранил. А тут, думаю, терять нечего, достал её, становлюсь на колени и начинаю читать молитву:

«Достойно есть яко воистинну блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего, честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без исления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».

И тут, представляешь, поднялся ветер, палатка зашевелилась, и вдруг как будто яркий свет мне в глаза. Я зажмуриваюсь, боюсь глаза открыть и слышу женский голос. Мягкий такой, задушевный, словно ангельский. Ощущение у меня такое, словно душа выходит из тела и отлетает в рай. Открываю глаза – стоит передо мною женщина в монашеском одеянии. Только не в чёрном, а лазорево-фиолетовом. Исполненная какой-то внутренней красоты и светится вся!

Я не могу оторвать от неё глаз, не могу вымолвить ни слова, а Она перекрестила меня и так медленно начала удаляться, будто уплывала. Я протягиваю к ней руки, а Она всё дальше и дальше, пока совсем не исчезла. Тут Санёк просыпается, смотрит на меня очумело, подумал, что я ку-ку. А я никого не замечаю, будто не в палатке нахожусь, а в сказочном дворце...

Санёк мне руку на плечо положил, я оборачиваюсь... И только тут до меня дошло, что нам скоро на операцию. Буквально через пять минут входит посыльный и даёт нам ко-

манду на выход. Мы облачились за секунды и направились в штаб. Ночь звёздная, я гляжу на Малую Медведицу по привычке – в той стороне Россия – и снова вижу Богородицу. Только уже далеко-далеко. Я перекрестился, хотя креста на мне не было, нам запрещали носить. Санёк опять посмотрел на меня с усмешкой, даже отпустил что-то сальное, уже не помню...

Я ему ничего не ответил, смахнул с себя видение, а тут уже суматоха, посадка в БТР, и колонна двинулась на дело. Когда добрались до ущелья, уже начало светать. Мы старались не растягиваться – машин было штук сорок. И вот уже на подходе к какому-то кишлаку головной БТР подрывается на mine. Или гранату метнули, не знаю. И задний тоже подбивают.

Колонна встала. Вылезать из брони означает сразу нарваться на пулю. «Духи» плотно засели на господствующих высотах и не дадут высунуться. А оставаться внутри тоже подвергать себя искушению сгореть заживо. Стоячий БТР поджечь – что сигарету прикурить. Что делать?

Вдруг будто слышу голос... Вспоминаю ночное видение, голос как будто повторяется. Кладу ладонь на карман, в котором у меня лежал комсомольский билет, и начинаю повторять слова молитвы. Каким образом я помнил их, до сих пор не пойму. Прочитал-то её всего несколько раз. Но запомнил слово в слово. И неожиданно стало тихо. Обстрел прекратился.

Я вылетаю из БТРа, оглядываюсь. «Духи» на высоте беснуются, неистовствуют, но не стреляют. Непонятно! Смотрю, летит наша «вертушка», чтобы забрать «двухсотых», видимо, наши вызвали его по радиии. Но если он сядет в ущелье, то взлететь уже не сможет, потому что воздух там разряженный, не хватит подъёмной силы, к тому же вертолёт будет гружёный.

Одного не могу понять: отчего так беснуются душманы? И не стреляют. «Вертушка» благополучно приземлилась, убитых и раненых забрали, и уже начала подниматься. Чудеса! Потом уже мне рассказали, что пилот наш знал о том, что может не взлететь, но молился своему небесному покровителю – Николаю Чудотворцу. И дал обет, что ежели ему удастся спастись и выполнить приказ, то после войны уйдёт в монастырь. Он был холостой.

И святитель сотворил чудо! Только когда он уже поднялся, выскакивает вдруг душара со «стингером» и начинает целиться вертолёту прямо в кабину. Я из подствольного гранатомёта успел «снять» его, но он ещё шевелился. «Вертушка» спокойно улетела, мы с ребятами столкнули подбитый БТР с дороги и продолжаем двигаться дальше. Когда последняя машина покинула ущелье, вдруг опять началась беспорядочная стрельба, но мы уже не пострадали.

А этого «духа», которого я завалил, оказывается, наши подобрали и увезли с собой в качестве «языка». Он оказался полевым командиром, много знал, за его пленение наш

комбат был представлен к «Красной звезде». Так этот «дух» и поведал, почему нам удалось спастись таким чудесным образом. Оказывается, когда те подбили головной и замыкающий БТР и хотели уже делать из нас бефстроганов, то мы вдруг стали для них невидимы! Растворились!

– Это как? – снова удивлённо спросил доселе молчавший как рыба об лёд гигант Х-в.

– Богородица мне не зря же явилась, – Виктор глянул на него с какой-то отеческой любовью. – Должен же был кто-то в живых остаться, чтобы рассказать всю сермяжную правду об афганской войне. Чтобы знали её не из газеты «Правда», а из первых уст. У нас все подписку давали о неразглашении, поэтому были не словоохотливы. Видимо, я был избран Господом.

– А что дальше-то было? Ты же говорил, что вас послали на операцию?

– Дальше? А дальше всё то же самое – зачистка кишлака от боевиков. Схема всегда одна и та же, поэтому «духи» к ней адаптировались и всегда были готовы. Мы окружали «провинившийся» кишлак с трёх сторон, а четвёртую специально оставляли для «отхода» душманов, при этом чаще всего её минируя. Напорются «духи» на мины, начинают беспорядочную пальбу. После чего мы вызывали «Акул» и крошили их в лапшу, а пехота добивала.

Потом уже **они** стали нам сюрпризы делать. Ума у них явный дефицит, а вот хитрости восточной на три поколения.

Пословица не зря молвится: берегись пуще сглаза яда кобры, зубов тигра и мести афганца. Мстить они умеют, на своей шкуре убедился. Да ещё соединённштатники им подсказывали и оружием обеспечивали по полной программе. Полный боекомплект!

И вот мы окружаем кишлак и цепью начинаем зачистку. У них в домах все окна выходят во двор, а от улицы жилище отделено дувалом чуть выше человеческого роста.

– А это что за зверь? – с явной иронией спросил Никита, оторвавшись от дебильника.

– Ну, это такой глинобитный забор или стена, отделяющая двор от улицы. Он является как бы продолжением стены жилища, выходящей на улицу. В них делают калитки, ворота, а иногда и смотровые окошки, но, как правило, они закрываются ставнями. В эти окошки ничего не увидишь. Да ты что, никогда в Средней Азии не был? Там тоже все кишлаки на один манер.

Кирпичи для дувалов делают из глины с соломой, а иногда для крепости добавляют коровьего д***ма. Поэтому в жару там вонища, и мух немерено. А холодов практически не бывает. Только ночью иногда прохлада спускается, и то зимой. С мая по ноябрь уже не продохнуть.

Ладно, я отвлёкся. Короче, вступили мы в кишлак, движемся от хаты к хате, шерстим все подряд без исключения. Обычно аксакалы, чтобы мы не потревожили их жилище, сами выходили на улицу и просили в дом не входить. Уверяли,

что в их доме моджахедов нет. Но если вдруг, не дай Бог, из этого дувала раздавался выстрел, то мы не церемонились. Разворачивали танк и одним снарядом сносили всю архитектуру к едрене фене.

Сарафанное радио у них пашет, как «хитачи», поэтому все наслышаны о том, что бывает за преднамеренный обман. «Духи» знали не хуже других и старались не подвергать своих односельчан подобной экзекуции. Но придумали хитрость, а может, пиндосы подсказали. Непримиримые уводили свою семью из кишлака, а в брошенной хате устанавливали мину-растяжку.

Если мы стучали и дверь или калитку никто не отворял, то, естественно вышибали её и в хате проводили шмон с пристрастием. Мины-ловушки «духи» обычно ставили либо в дверях, либо у погребов. Электричество там не во всех кишлаках, холодильников нет, поэтому роют погреба, а в них удобно прятаться. К тому же наши не особенно верующие любили пожить на халяву. Но *бесплатный сыр*, как известно, бывает только в мышеловке.

– Эт-точно! – тут как тут вклинился Никита, хотя почти всё время болтал по телефону.

– На таких растяжках в основном наши и подрывались. Особенно дембеля. Молодые поначалу всегда были осторожны, страх ещё играл в одном месте, да и Афган им ещё не осточертел, как старым. А дембелям, особенно тем, кто кокнарчиком начал баловаться, настолько уже всё было на ар-

шин от земли, что игнорировали всякую предосторожность.

– Ты-то не сорвался с катушек? – хотя мой вопрос был явно лишним.

– Бог миловал. Хотя попробовать, разумеется, пришлось, – Витя поглядел на меня с иронией. – Когда по три ночи глаз не можешь сомкнуть, просыпаешься от малейшего шороха, а днём подорвёшься на mine или фугасе, поневоле на иглу подсядешь.

– Что, и ты подрывался? А как же тогда живой? Или душа возвращалась?

– Не было таких, кто не подрывался. Я, наверное, раз семь или десять. Уже не помню. То на фугасе, то на противотанковой mine. Состояние не описать, когда подорвёшься! Башка гудит, как фабричная труба. В ушах звон стоит, в глазах блики, рвать тянет, хочешь сказать что-то, но язык будто поджаренный. Только понимаешь, что ты ещё жив, и одно это уже радует.

Зато когда видишь «двухсотых», с которыми ещё вчера, а то и несколько минут назад разговаривал, смеялся, которым ты что-то обещал или они тебе... И вот уже им больше от тебя ничего не нужно... И тебе от них... Только мысль свербит: а как воспримут родные и близкие их смерть? Тем более если им вот-вот на дембель, их уже дома ждут...

И тут понимаешь, что тебя спасает чьё-то провидение. Просто так ничего не бывает, чья-то сила помогла тебе выжить. В Афгане я постоянно ощущал помощь Божию. Но

не по моим, конечно, заслугам, а просто бабушка за меня всё время молилась. Она у меня глубоко верующая была. Во время Второй мировой деда семь раз сбивали – он лётчиком был, – и каждый раз к своим выходил, ни разу в плен не попал. А ведь лётчиков почти всегда сразу к стенке ставили. Потому что все они коммунистами были, беспартийных в небо не отпускали, боялись.

Помню, бабушка перед сном всегда молилась с акафистом Богородице. А на ночь обязательно меня перекрестит, и как будто рай на душе. А мама у меня в школе и в институте комсоргом была, потом инструктором в райкоме КПСС. Ох, как они с бабушкой сцепятся! Бабуля-то смиренно отходила от споров, перекрестится, молитву прочитает и в свой угол уйдёт. А мама, бывало, свои доводы отстаивала до хрипоты. Но резко поменяла свои взгляды, когда у меня аппендицит случился и я на волосок от смерти был. Вызвали скорую, а в неё какой-то самоликвидатор врезался. Да так, что его самого пришлось в больницу везти...

– Кто, говоришь, врезался? – Никита не сразу уловил чёрный юмор Виктора.

– Как кто? Дезертир с того света. Ну, мотоциклист, ты чего, не понял?

– Не-ет, – мы с полминуты сокращали диафрагму с короткими выдохами через рот.

– Так вот, меня уже впору в саван заворачивать, а скорая всё не едет. Мать звонит на подстанцию, ей ситуацию растол-

ковали, но легче не стало. Сообщили, что выслали вторую машину, но и она почему-то опаздывала. Мама опять звонит, ей снова объясняют, что у той спустило колесо. Меняют. Я уже дышать почти перестал, пульс едва прощупывается, мама уже готова волосы на себе рвать, и тут бабушка начинает читать молитву Богородице. Бабуля моя родилась аккурат 21 сентября, с Божией Матерью в один день. Потому её Марией именовали.

И вдруг я открываю глаза, дыхание возвращается, даже боль чувствовать перестал. Мама в шоке, отец тоже дар речи потерял, а бабушка меня святой водичкой вспрыснула, перекрестила и я даже встать смог. В это время звонок в дверь, входит бригада скорой, уложили меня на носилки и под сиреной – в больницу. Тут же в операционную, вскрыли гнойник, а он будто замёрз. Если бы гной разлился по организму, то мне бы кирдык, никакая медицина бы не спасла.

Врачи маме моей объясняют – она вместе со мной в больницу поехала, – а мама понять ничего не может. Её спрашивают, делала ли она мне заморозку или ещё что, она отрицает. Ничего не делали, вызвали скорую, ждали почти час, если не больше, но всё обошлось. Врачи не верят и продолжают её выпытывать. Тогда мама и вспомнила, что бабушка помолилась и меня святой водой окропила. Больше ничего не делали. С тех пор мама моя и в храм стала ходить, и причащаться регулярно, а вскоре и службу в райкоме оставила, перешла в школу.

Я тогда ещё не всё понимал, да и молодой был, а как в армию попал, убедился в силе материнской молитвы и помощи Божией по этой молитве. Благодаря этой помощи я сколько раз от смерти уходил, да и многие ребята тоже. Помню, как пронесло меня мимо преисподней в очередной раз, написал я домой, а мама мне отвечает, что видела меня в этот день во сне. Будто вернулся я домой в цинковом гробу, а бабушка перекрестила меня, и восстал я из гроба.

– Ты что-то начал про войну рассказывать, да переметнулся, – напомнил Вольдемар.

– Ну да, – продолжал Виктор. – Зачищаем мы, значит, этот кишлак. Я подхожу к очередной калитке, толкаю её – заперта. Стучу ещё раз – никакого шевеления. Пришлось вышибать калитку. И тут слышу характерный щелчок! Значит, растяжка. Отпрыгнул на пару шагов назад и прижался к земле. Взрыв!.. Дом загорелся, а из соседнего по мне пулемёт заговорил. Я лежу, встать не могу, потому что сразу скосит. И вообще не шевелюсь, может, подумает, что я жмурик уже, и прекратит стрельбу. Но не прекращает. Пули уже по зашивку царапать начали...

И тут жажнуло из танка, огневую точку в ключья разнесло. На меня упали ошмётки от разрушенного дувала и... человеческая голова. С бородой. А глаза ещё открыты. Валяется рядом со мной в пыли, а зенки на меня уставились. Меня всего затрясло, как от лихоманки, хочется закурить, но не могу ни одним членом пошевелить. Зубы стучат, коленки

дрыгаются, пот прошибает, в зобу дыхание спёрло, хорошо, что ещё не обос***ся...

Смотрю, сзади подошли ребята, в подошву меня пнули на всякий случай, я голову поднимаю, а они смеются. «Вставай, мол, а то простудишься». И тут взрыв! Какой-то моджахед недобитый пустил гранату. Меня осколком задело по щеке, а Саньку прямо в сердце. С душой в момент расстался. Даже крикнуть не успел, так и отлетела душа его в небесные чертоги.

Мы, кто был рядом, опрометью бросились назад, добегаем до своей колонны и кричим, что в кишлаке засели моджахеды. Комбат наш вызывает «вертушки», через несколько минут началась ковровая бомбардировка. Крошим всё подряд, из танков добиваем всё, что не смогли вертолёты уничтожить. «Духи» ещё откуда-то сопротивляются, постреливают, но на каждый их выстрел мы отвечаем снарядом. В шуме уже не разобрать, где свои, а где чужие. Пока патроны и снаряды под ноль не расстреляли, продолжалась эта кровавая баня.

Когда всё стихло, мы ещё раз прочесали кишлак, вернее то, что от него осталось. Подобрали Саньку и ещё двоих ребят, что погибли в перестрелке. А местных даже трогать не стали, не то что хоронить. Пусть свои хоронят. Уложили «двухсотых» в один БТР и отправились домой. Нас сопровождали «вертушки», поэтому страха уже не было, хотя и боеприпасов тоже.

Как вернулись в часть, меня сразу вызывает замполит. Повезло ему, что у меня ни одного патрона в «калаше» не осталось, а то бы последний ему промеж ушей засадил, твари.

– За что ты его так? – хотя вопрос мой был явно «китайский». На месте Виктора, можно не сомневаться, что я бы поступил точно так же. Да и любой бы на его месте.

Витя посмотрел на меня, примерно как на того замполита. Видимо, прикидывал, действительно я не понимаю или включил дурака. Но, увидев мою шаловливую улыбку, сразу всё понял и переменял настроение. Никита хотел, видимо, что-то сказать, но резко передумал и снова потянулся за мобильником. Володя шёл молча, лишь иногда делая очередной кадр.

– Когда замполит увидел меня, похлопал по плечу, поздравил с возвращением. А про Саню даже ни ползвуха, гнида. Потом сказал, чтобы я мухой собрался и что меня давно ждут в политотделе дивизии. Пожелал мне счастливого пути и ретировался. Машина уже стояла под парами, нищему собраться – только подпоясаться, я тепло попрощался с ребятами и побежал к уазу. Шофёр просигналил все уши, поторапливал, у него тоже приказ.

В политотделе мне выдали партбилет, поздравили с успешным завершением службы и сообщили, что я представлен к высокой правительственной награде. Мне в тот момент было до того безразлично, что меня ждёт: высшая награда родины или высшая мера. Когда взглянул на партбилет, уви-

дал, что дата выдачи стояла сегодняшняя, а выписан он был другими чернилами. И уже успел покрыться пылью. И до того мне захотелось разнести всю эту бюрократическую мразь вместе с их поздравлениями и с фальшиво-напыщенными словесами, как несколько часов назад мы разнесли ни в чём не повинный кишлак вместе с моджахедами.

В мои двадцатилетние мозги с трудом укладывалась мысль, до какой же степени нужно набраться цинизма, чтобы вот так хладнокровно ждать смерти пацана только лишь потому, что дерзнул посягнуть на «святая святых» – партийную кормушку. И с какой же тщательно скрываемой злобой и резиновой улыбкой на лице встретили они весть о том, что я не погиб в очередной мясорубке и что мне всё-таки придётся вручить партбилет и поздравить с победой.

Представляю, какие слова они говорили родителям Санька и готовились сказать моим родичам. Разрази меня понос, но я бы не смог этого произнести даже под наведённым стволом.

После выдачи партбилета меня сразу погрузили в самолёт и отправили в Союз. Видимо, не зря опасались, догадывались, что я ой-ёй-ёй каких дел могу натворить. Со мной в самолёте летели несколько офицеров и два десятка дембелей. Мы приземлились на военном аэродроме, нас посадили в автобус прямо на лётном поле и выгрузили на площади трёх вокзалов.

У всех на руках были литеры. Двое отъезжали в Петер-

бург – тогда ещё Ленинград, – пятерым предстоял вояж в Сибирь, кому-то на Север, а мне на электричку. Больше всех повезло. Из столичного региона я был один, поэтому знакомиться с ребятами не стал. Санька уже не вернуть, а с теми, кто раньше дембельнулся, увижусь когда-нибудь позже.

Витёк снова сглотнул жаркую слюну, видимо от жгучего желания закурить. Но нарушать данный Богу обет не стремился. Да и не было ни у кого табачных изделий. Даже лист осенний было не собрать по причине чарующей весны в данный исторический момент. Зато мы наслаждались запахами субтропического леса, звуками приближающегося с каждым шагом прибоя, соловьиными серенадами и шуршанием ветра о кроны оливковых деревьев.

– А вот тоже случай был. Я тогда только прибыл «за речку», ещё не изучил всех нравов. А ребята опытные знали все хитрости моджахедов. Мы стояли на блокпосту, где-то в окрестностях Кабула. Поступил приказ: по тропе до темноты не должен пройти никто, ни один субъект. Без исключения, будь то человек или животное. Нарушителей уничтожать на месте из ДШК.

Ну что, приказы не обсуждаются, тем более на войне. До этого я ещё крови не видел, хотя стрелять уже приходилось, но больше для остротки. А здесь уже конкретный случай. И никто не может поручиться, что это не будет беременная баба или ребёнок. Бывали случаи, когда такими «беременными» оказывались смертницы, у которых мужья или сыно-

вья погибали, а они хотели отомстить за них. И чаще всего подрывали почему-то именно блокпосты.

– Наверное, потому, что проще всего. В расположение части ещё проникнуть нужно, а тут прямо на дороге. Да ещё в расчёте на русское милосердие к женщинам и детям.

– Скорее всего, – продолжал Виктор. – И вот показалась на дороге арба – такой двухколёсный тарантас, запряжённый ишаком, – которую сопровождали аксакал в халате с чалмой на голове и пацан лет пятнадцати. Хотя их не разберёшь, на юге взрослеют рано. Я видел девчонку полутора лет, так ей все пять дашь: балакает без запинки, ростом с первоклашку, абзац!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.